

Лариса ЧУРИКОВА
НИКОГДА НЕ ГОВОРИ
МНЕ «НЕТ»

Книга 4

18+

@ЭЛИТА

Лариса Чурикова

Никогда не говори мне «нет». Книга 4

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10265182

Лариса Чурикова. *Никогда не говори мне «нет»*. Книга 4: ЭИ «@элита»;
Екатеринбург; 2014

Аннотация

Никто не знает, где найдёт свою любовь. Не думала о любви и юная студентка Даша, пока не встретила в коридоре университета красивого парня восточной внешности. Не думала ни о чём плохом, когда вышла за него замуж и отправилась вслед за ним в далекую чужую страну. Даша старалась, очень старалась стать образцовой женой восточного мужчины, пыталась понять традиции, смириться с обычаями. Старалась до тех пор, пока считала, что делает это ради любви. Но какая уж тут любовь, если муж собирается взять вторую жену? А властная свекровь, желая избавить младшего сына от неуютной русской, решает отдать её своему старшему сыну. И, кажется, что выхода нет – она в чужой стране, где женщина никто, тем более, без документов, и не зная языка.

И, кажется, уже ничего хорошего не может быть в жизни Даши. Но ты никогда не знаешь, где найдешь свою любовь. Не

знала и Даша, что её настоящее чувство ещё впереди. («Все будет хорошо»)

Ему от женщин нужно только приятное времяпровождение. Он никогда не собирается жениться, так как это влечёт за собой только лишние проблемы. Ей от мужчины нужен только ребёнок. Она никогда не собирается больше выходить замуж, так как знает: это не принесёт ничего, кроме боли и разочарований. Но ведь не зря говорят – никогда не говори «никогда» («Никогда не говори «никогда»).

Содержание

Всё будет хорошо

6

Конец ознакомительного фрагмента.

137

Лариса Чурикова
Никогда не говори
мне «нет». Книга 4
Всё будет хорошо

© ЭИ «@элита» 2014

Всё будет хорошо

*Каждому своё, в своём направлении.
Кто за любовь – тому и прозрение.
Кто на войну – тому и флаг.
И если есть друг, значит, будет и враг.
Может, не стоит об этом петь?
Если ты прав – придётся терпеть.
И шаг за шагом, удар в удар, —
Ты будешь жить, мой Генерал!*

(Из репертуара группы 7Б)

Пролог. Москва. Сентябрь 2013 год

Высокий широкоплечий мужчина сорока с лишним лет задумчиво сидел в своём кабинете, устало откинувшись на спинку кожаного кресла. Генерал в отставке Мельников Александр Григорьевич не замечал глубокой ночи вовсе не потому, что в помещении отсутствовали окна и одинаково ровный в любое время суток свет притуплял ощущение времени. Его терзало беспокойство, шедшее откуда-то изнутри, казалось, без видимых причин, сродни звериному инстинкту, подсказывающему опасность или перемены. Нехорошие перемены. Многолетний опыт не позволял игнорировать это

чувство. Он знал: лично ему и его семье ничто не угрожает. Но были ещё ребята. Его ребята. Его команда. Несмотря на то, что он официально в отставке, так просто отойти от той работы, которой посвящена вся жизнь, оставить команду – выше его сил. Поэтому до сих пор, закрывая глаза на официальный статус пенсионера, зная его отношение к работе, руководство из ГРУ держало связь с отрядом специального назначения именно через него. До сих пор он чувствовал ответственность за каждую операцию, за каждый промах, переживал за каждого из шести ребят своей группы. Ведь, в сущности, он и собрал эту команду. Волевым характером добился слаженности в работе, научил доверять и чувствовать плечо друга, как своё собственное. С кем-то из этих ребят он прошёл огневые рубежи, породнившись через боль, кровь и смерть, кто-то пришёл позже; к ним он относился скорее как к детям, стараясь научить, показать, подтолкнуть и защитить, если нужно.

Сейчас он ждал одного из ребят. Глебов Данила Сергеевич – он одним из первых вошёл в группу. Познакомились на Северном Кавказе. Александр был в чине майора, а Данила молодым лейтенантом пришёл в отряд. После одной из операций, когда перед лицом смерти открываются все тайные и явные стороны человека, они перестали чувствовать разницу в возрасте и в званиях. «Сработаемся», – сказал Данила на предложение Александра. Они сработались. Острый аналитический ум и профессионализм делали парня незамени-

мым в группе. Но иногда Александру казалось, что, несмотря на жёсткость и хладнокровие, где-то глубоко внутри друга сидит тот, кто тщательно ухаживает за каждой могилой на собственном кладбище, причиняя невыносимые муки, когда к покосившемуся кресту или надгробию добавляется ещё одно.

На входе в комнату отдыха гроыхнула дверь. Войти сюда могут только свои. Поэтому Александр не пошевелился, а только взглянул на часы. Три часа ночи. Хватило несколько часов, чтобы добраться из Копенгагена. Пунктуален, иначе и быть не может.

Дверь в кабинет открылась. Вошёл невысокий коренастый парень. Чёрные коротко подстриженные волосы, усталый взгляд тёмно-карих, почти чёрных глаз. Немного искривлённая переносица не портит мужественное лицо.

Не говоря ни слова, расстегнул длинное элегантное пальто, безгловым жестом швырнул на спинку дивана. Тяжело опустился в кресло напротив.

– Как добрался? – риторический вопрос в устах Александра.

– Как видишь, – раздражённо бросил Данила. – Что за спешка? До конца операции неделя. Я оставил Олега без прикрытия в самый ответственный момент!

– Да что с ним может случиться в благополучной Дании?

– Ну, если ты не втираешься в доверие к главарю нарко-концерна, прикидываясь охраной, а всего лишь посещаешь

музеи – то ничего.

– Не переживай. Утром я сам вылетаю туда. По делам своей фирмы. Пора налаживать новые связи. Заодно прикрою вместо тебя.

– Неужели всё настолько серьёзно? Ты ведь не обязан теперь рисковать.

– Да какой риск! Тем более для меня. А вот у тебя задача сложнее той, что была в Европе.

– Справлюсь.

– Не сомневаюсь. Мне только не нравится, что придётся лететь одному. Ты знаешь, как я отношусь к работе без прикрытия. Единственное успокаивает: это почти семейная поездка. Даже в легенде нет нужды.

– Что-то неладно с той стороны? Мне казалось, мы надолго восстановили связи. А тут не прошло и года.

– Там то ли поменялись люди на таможне, то ли наши осведомители решили подзаработать. Нам сливают какую-то ерунду, а крупные партии наркоты и оружия проходят мимо. В чём дело, неясно. Придётся ехать разбираться на месте. Поверь, никто лучше с этим не справится. Поэтому принято решение снять тебя со спецоперации в Дании.

– Да оно и к лучшему! Достали меня эти манерные чаепития, театры и выставки. Дела хочу!

– Но-но! Тебя туда не стрелять и взрывать посылают. Разберись с обстановкой, выясни, кто там сучит – и никаких действенных мер до особого распоряжения. Всё должно

пройти тихо и незаметно.

– Так точно, товарищ генерал, тихо и незаметно! Когда вылетать, Саш?

– Вчера.

– Ясно.

– Вот билеты. У тебя два часа на сон. Самолёт в семь утра. Отдыхай пока.

– Вот в самолёте и выплюсь. Всё будет хорошо. Не переживай.

* * *

Город Белгород. Россия. Октябрь 2011 год

Я несусь по университетскому коридору с папкой, в которую сложила листы с рефератом, с сумкой через плечо и с пакетом книг. Спешу встретиться с Аркадием Петровичем, пока он не покинул кафедру. Единственное желание на этот момент – получить консультацию по теме, а единственная цель – застать на кафедре преподавателя. Судя по непростому началу, третий курс не обещает быть лёгким. И в моей жизни пока ничего нет, кроме учёбы и мелких проблем, свойственных двадцатилетней девушке.

Всё меняется в один миг, когда я налетаю на этого студента. Он внезапно открыл дверь, выходящую из аудитории в коридор, и я со всего маху врезалась в него, почти сбивая

с ног. Выскользнула из рук папка, посыпались листы реферата, устилая пол коридора. Я дёргаюсь, пытаюсь остановить листопад. От резкого движения ручки пакета рвутся, и книги грохаются на пол. Вскрикиваю, кидаюсь собирать, парень решает мне помочь. Нагибаясь одновременно, мы со звоном в голове сталкиваемся лбами. От неожиданности охаю и сажусь на пол. А парень резко выпрямляется и хватается за голову. Мы смотрим друг на друга и смеёмся.

Из-за нас образовался солидный затор в коридоре, потому что студентам приходилось обходить не только меня, сидящую на полу, но и мой реферат, разлетевшийся во все стороны. А мы только и делаем, что хохочем. Наконец он протягивает мне руку, помогает подняться. Пока прихожу в себя, прижавшись к стене коридора, он быстро собирает мои труды, засовывает обратно в папку, подаёт мне. Сам подхватывает мой пакет с оборванными ручками:

– Привет, я Рустам. Пойдём, помогу донести. Куда ты так спешила?

Я думала, он будет сейчас кричать, ругаться, обзовёт душой безмозглой. А он снисходительно смотрит на меня и продолжает улыбаться. Он высокий, худощавый, подтянутый. Чёрные длинные волосы, откинутае назад, обрамляют красивое смуглое лицо. Чувственные полные губы, широкие немного выпирающие скулы, тёмный с лукавыми смешинками взгляд. Едва заметный азиатский разрез глаз придаёт лицу необыкновенную привлекательность.

– Привет. Меня Даша зовут. Извини, я не хотела налетать на тебя.

– Ты же не специально. Так куда идём?

– Наверное, уже никуда. Аркадий Петрович должен быть на кафедре до четырёх часов, а уже десять минут пятого, – разочарованно говорю я, поглядывая на часы.

– Пойдём, посмотрим. Может, он задержался, – предлагает новый знакомый.

– Мне бы не хотелось тебя отвлекать. Я сама.

– Я уже освободился. И ты пыталась сама, – намекает он на мой неподъёмный груз.

Аркадия Петровича в кабинете, конечно, не оказалось. Я на это и не надеялась. Раньше уйти он мог, а вот задержаться – вряд ли.

Видя моё разочарование, Рустам решил меня поддержать:

– Ничего страшного. Завтра застанешь. Пойдём, в кафешке посидим. Ты обедала?

Сначала я не поверила своим глазам, когда поняла, что такой красивый парень собрался меня сопровождать. Теперь не верю ушам. Он предлагает вместе пообедать? Мне? Обычной провинциальной простушке? Нет, на меня, конечно, обращали внимание парни, но все они выглядели совсем непривлекательно для меня. И почти всех я отшивала в свойственной мне ироничной манере, так что после моих подколов не решались снова подступиться. Зачем я это делала? Даже не знаю. Я вовсе не ждала принца, к тому же реально

оценивала свои данные: не модель. И всё-таки где-то в глубине души надеялась, что когда-нибудь обязательно встречу того, кого не захочу уколоть язвительным словом. Того, от которого, как сейчас, у меня перехватит дыхание. И вот я стою перед этим обалденным красавцем и не могу вымолвить ни слова.

– Ну, так что? Составишь мне компанию за обедом? – настойчиво повторяет парень, улыбаясь очаровательной улыбкой, открывающей идеальной белизны зубы.

Я выхожу из ступора, догадываюсь, что смотрюсь глупо, стоя перед ним с вытаращенными глазами и открытым ртом. Собираю все свои растрёпанные чувства в кулак и невозмутимым тоном произношу:

– Пошли!

Дёргаю плечиком, уверенно двигаюсь вперёд, зная, что он последует за мной, ведь у него мои книги. Словом, веду себя так, будто приглашения на обед от таких парней мне поступают чуть ли не каждый день.

Парень, обладающий такой внешностью, должен быть, как минимум, заносчивым и высокомерным. В нём же этого нет ни на грамм. По крайней мере в отношении ко мне он очень вежливый, предупредительный и скромный.

За столиком в студенческой столовой он больше интересуется мной, чем рассказывает о себе. Я узнала только, что он учится на пятом курсе филологического факультета. Будет учителем русского языка и литературы! Ох, сколько же в

нём необычного! Он тоже живёт в общежитии, только в третьем корпусе.

После обеда он провожает меня до ступенек моего первого корпуса, отдаёт книги, которые не позволил нести, и со словами «как-нибудь увидимся» исчезает за поворотом тенистой аллеи, соединяющей общежитские здания.

Под впечатлением этой встречи нахожусь несколько дней. Понимаю, «как-нибудь встретиться» – это вежливый отказ. Но так хочется его снова увидеть, почувствовать хотя бы на миг одуряющее счастье от того, как он смотрит на меня удивительными чёрными глазами с лукавым прищуром! Моя соседка по комнате Светка заметила мечтательный взгляд, но я ничего ей не рассказываю. Никого не хочу впускать в свой секрет. Я уверена: мы обязательно как-нибудь встретимся, ведь учимся в одном универе, хотя не факт, что он меня вспомнит.

И это действительно происходит через четыре дня.

Некоторые группы согнали в актовЫй зал для прослушивания предвыборной агитации какого-то депутата. Мой третий курс экономического факультета в том числе. Первой мыслью было – потихоньку слинять с нудного мероприятия. Но куратор грудью встала на выходе. Как я благодарна ей за это! Потому что когда стояла в толпе в проходе между креслами, ожидая возможности где-нибудь сесть, меня кто-то взял за руку:

– Даша, привет!

Поднимаю глаза – передо мной Рустам:

– Я вижу свободное место.

Он идёт в дальний угол зала, продираясь сквозь толпу, а я, не раздумывая, следуя за ним. Мы усаживаемся на соседние кресла. И агитация депутата для двоих человек проходит абсолютно мимо. Я слышу только Рустама, я чувствую его дыхание, когда он наклоняется, чтобы мне было слышно, о чём он говорит, я вдыхаю приятный аромат его туалетной воды.

– Как твой реферат? Ты встретила с преподавателем? Тут недалеко открылась выставка современного искусства, ты была там? А ты смотрела фильм «Фантом»? Я посмотрел недавно. Обалдеть! А мы в этом зале готовим с ребятами выступление университетской команды КВН, я немного сочиняю для них. Приходи, посмотришь, обхохочешься.

Я стараюсь отвечать связно и обдуманно, хотя из-за тумана в голове плохо получается. Хочу, чтобы агитация депутата не заканчивалась. Но вот он благодарит всех за внимание, и мы встаём, чтобы выйти из зала.

– Даша, у меня входит в привычку, увидев тебя, думать о еде. Пойдём, перекусим, – предлагает Рустам.

– Идём, я тоже не обедала, – вру я, так как недавно перекусила с подругой в кафешке.

Рустам улыбается своей голливудской улыбкой, берет меня под локоть, и мы идём по коридору. А моё сердце начинает биться в рваном ритме от его дружеского прикосновения.

После этой случайной встречи мы встречаемся снова, те-

перь уже не случайно. Выходя как-то из аудитории после шестой пары, я вижу его возле окна в коридоре.

– Рустам? Что ты здесь делаешь? – удивлению нет предела.

– Тебя жду. Пойдём в кино? Приглашаю. У тебя ведь закончились лекции?

– Да, – растерянно отвечаю на все вопросы сразу, замечая, что с головы до пят меня окатывает непонятная дрожь.

– Прекрасно. Сеанс в девять, я буду ждать на скамейке перед общагой. Тебе ведь нужно отнести книги и переодеться?

– Да, – снова бормочу я, не в силах выдать что-то более вразумительное.

Мы встречаемся уже месяц. Общаемся, как друзья. Наши физические взаимоотношения не выходят за рамки взяться за руки или придержать меня за локоть на входе-выходе. Может, я была бы и не против более близких отношений, но пока меня и это устраивает. Он великолепный собеседник. Эрудированный, остроумный. Он интересуется живописью, литературой, театром, кино и, наверно, многим чем ещё, но пока я посвящена только в эти сферы его интересов. Почти каждый день он ненавязчиво приглашает меня куда-нибудь. Стараюсь не отказываться, хотя загружена сейчас больше, чем он. С ним очень интересно. Как зачарованная, слушаю его обсуждение игры актёров после посещения театра. Или как он пытается понять идею классического аме-

риканского боевика, или объяснить общие мотивы в портретах эпохи Возрождения.

Первое время в основном молчу, только поддакиваю и смотрю на него влюблёнными, как мне кажется, глазами. Недели через две привыкаю к обществу, моя эйфория только от одного его присутствия уже не мешает дышать и связно мыслить, и я потихоньку начинаю участвовать в обсуждениях и даже спорю в каких-то вопросах. Его монологи переходят в диалоги, и нам обоим это нравится. Мои подруги, видя, что я часто глупо и без причины улыбаюсь, а также попадаю где-то почти каждый вечер, сделали соответствующие выводы. А когда увидели Рустама, поджидающего меня возле ступенек общаги, уже не сомневались: я нашла парня. Наконец-то! И, сколько я ни убеждала, что он просто друг, понимающе качали головой. Но он действительно только друг! И между нами ничего нет, кроме общения!

Действительно, между нами ничего не было, кроме общения, целый месяц. Тогда мы возвращались поздно вечером после театра. Пока ехали в маршрутке, начался дождь. Выйдя на остановке, поняли, что ливень спустился не на шутку. На мне осеннее пальто, он в кожаной куртке.

– Подождём? Может, перестанет. Иначе вымокнем за минуту, – предлагает Рустам.

– Подождём, – я прохожу вглубь остановки, чтобы капли не доставали.

Он следует за мной. Несмотря на то, что стоим под кры-

шей, как-то холодно, промозгло, неуютно. Я зябко ёжусь, обхватываю себя руками.

– Замёрзла? – участливо спрашивает Рустам и, подойдя ко мне, одной рукой обнимает за плечи.

– Замёрзла, – признаюсь я, приникая к нему.

Он обхватывает меня обеими руками, моё лицо прижато к его груди. Я вдыхаю его запах, мне сразу становится тепло и уютно в этом маленьком мире – он и я, в окружении темноты и шума дождя.

– Скоро дождь перестанет, – слышу его голос.

Поднимаю голову, чтобы взглянуть на него и внезапно чувствую его губы на своих губах. Для меня это полная неожиданность: уже давно убедила себя – он просто друг. Ведь поводов и мест для поцелуев у нас было достаточно, но он не пользовался ими. Что же изменилось здесь, на безлюдной тёмной остановке? Его губы нежные, мягкие, легко и невесомо касаются уголка моих губ, центр, другой уголок. Я чувствую, что начинаю дрожать, но не от холода. Меня бросает в жар. Я забываю, что нужно дышать, потом приоткрываю рот, пытаюсь вдохнуть, но он словно выпивает мой воздух. Его поцелуй настойчивей, его губы твёрже и уверенней, они словно просят что-то, требуют. Я не понимаю, словно оцепенела, и думаю только о том, как бы не упасть. Единственная возможность устоять на ногах – ухватиться за него. Что и делаю. Мои руки обхватывают его шею. Его губы сминают мои, его руки сжимают меня так, что становится боль-

но. И я понимаю: он хочет, чтобы я отвечала. Или хотя бы не стояла, как мраморный истукан. И я отвечаю. По крайней мере, стараюсь, учитывая нулевой опыт. Я пытаюсь делать так, как делает он. Мои губы приоткрываются, движутся в такт его губам. Мои руки гладят его плечи и затылок – так, как делает он.

Это безумство заканчивается вместе с дождём. Точнее, он замечает, что дождь закончился, и легонько отстраняется от меня. По мне так пусть бы дождь шёл до утра.

– Пойдём, а то общага скоро закроется, – глухо говорит он, и, продолжая обнимать меня за плечи, движется по тротуару.

Я повинуюсь. Мы молча подходим к зданию. Привычное «спокойной ночи» у крыльца – и он быстро исчезает за поворотом. А я полночи не могу уснуть, гадая, что это было. Новый виток в наших отношениях или мимолётная несдержанность, о которой он завтра и не вспомнит?

На следующий день я очень нервничаю, когда иду на встречу с ним. Он позвонил и сказал, что приглашает меня после лекций прогуляться по парку.

Я вижу его сидящим на скамейке. Как он встретит меня? Сделает вид, что вчера ничего не было? Или начнёт извиняться за то, что было? Заметив меня, он встаёт. Идёт навстречу, улыбается. Я подхожу, как всегда, останавливаясь в шаге от него. Он преодолевает этот шаг, обнимает меня за плечи и быстро целует в губы. В напряжении оглядывается

по сторонам, понимает, что за нами никто не наблюдает, выдыхает и серьёзно смотрит мне в глаза.

– Дашка, ты мне очень нравишься, – вдруг произносит он.

Ух, ты! Я уже слышала от него «ты клёвая девчонка», «с тобой не соскучишься», «с тобой так интересно». Но ни от одного из тех признаний у меня не перехватывало дыхание, как от этого, сказанного таким проникновенным голосом.

– Ты мне тоже нравишься, – искренне признаюсь я.

– Правда?

Он так рад моему признанию, как будто сомневался, что такой парень, как он, может кому-то не нравиться.

– Знаешь, ты мне показалась сначала такой холодной, недоступной, отчуждённой. Страшно было к тебе подходить.

Ну, ничего себе! Неужели моя внешность настолько обманчива, а мой трепет он воспринял как недоступность? Впрочем, это и к лучшему. Парням вредно знать, что на самом деле думают о них девушки. Я не развенчиваю миф о себе, а самодовольно улыбаюсь.

– А тут ещё о тебе рассказали такое... – продолжает он.

– Ты что, собирал обо мне сведения? – возмущаюсь я.

– Нет, не специально. Когда ждал тебя в коридоре, ко мне подошли парни из твоей группы, и предупредили, что вообще-то ты строишь из себя недотрогу. А если я попытаюсь тебя поцеловать, можешь так двинуть по... в общем, двинуть, что мало не покажется.

Я хихикаю. Легенды о моём остром язычке и не менее ост-

рых коленках несколько преувеличены, но они играют хорошую службу, когда нужно избежать неприятных приставаний.

– Всё, что обо мне говорят, тебя не касается. Ты ведь не такой бесцеремонный грубиян, как Серёга, и не подкарауливал меня в арке, как Матвей, который и получил по яйцам за то, что напугал меня и хотел... хотел...

– Хочешь, я поговорю с ним? – нахмурившись, спрашивает Рустам, – Покажи только, кто тебя обижает!

– Нет, не нужно! Это было давно, сейчас меня никто не обижает. Пусть только попробуют!

Я вообще не могу представить интеллигентного утончённого Рустама в драке с верзилой Матвеем или общающегося с нагловатым Сергеем, у которого через каждое слово обязателен мат. Нет, только не это! Но что представить мне ещё труднее, так это то, что у Рустама нет девушки, и он выбрал меня. Особенно когда увидела, какая девушка у него была!

Мы договорились встретиться с ним после занятий во дворе универа у главного входа. Выйдя на ступеньки, я привычно окидываю взглядом площадку, отыскивая Рустама, и замечаю его рядом с высокой блондинкой. Они почти одного роста. Она выглядит так... так, как всегда мечтала выглядеть я.

Заметила: человеку всегда хочется иметь то, что ему не дано. Вот и я тем же грешу. Я невысокая – так, чуть выше среднего роста. У меня нет модных пепельно-белых длинных

волос. Мои волосы тёмно-русые, какие-то неопределённые – не чёрные и не светлые. Да, они густые и блестящие, они послушно укладываются в любую причёску, но это и все их достоинства. А фигура у меня совсем не модельная: грудь третьего размера, широкие бёдра, хорошо хоть талия тонкая – песочные часы – я где-то вычитала, это так называется. Глаза у меня тоже неопределённые, кто-то говорит – они у меня необычные, фиалковые, а кто-то считает, что странные – фиолетовые. Я вообще не встречала людей с похожим цветом глаз, и упрямо доказываю всем сомневающимся, что они у меня тёмно-синие. Вот бы они были такими же небесно-голубыми, как у той блондинки!

Что-то я размечталась, застыв в нескольких шагах от Рустама и его собеседницы. И совсем не ревную. Несмотря на сногшибательную привлекательность, блондинка Рустама совсем не привлекает. Напротив, по выражению его лица понимаю: она его злит, если не бесит. Он не знает, как от неё отвязаться, постоянно сбрасывая её руку, когда она в порыве пытается коснуться его плеча.

Я подхожу ближе, Рустам замечает меня, улыбается и, не дослушав девушку, резко отворачивается. Схватив меня за руку, быстро идёт от неё.

– Рустам, не беги так, я не успеваю. У меня же каблуки! – пытаюсь остановить его.

Он резко тормозит, проводит руками по волосам, откидывая назад. Это нервный, импульсивный жест, волосы у него

и так лежат послушными волнами, словно только что из салона красоты.

– Прости, мой цветочек. Эта б... нехорошая девушка вывела меня из себя.

– А кто она такая? Твоя знакомая?

– Можно сказать, моя бывшая девушка.

– И что она хотела?

– Остаться настоящей.

– Но ты против? Почему? Она такая красивая, – в моём голосе сомнение.

– При чём здесь красота! У женщины должен быть один мужчина! Зачем смотреть на других! А эта недостойна даже называться женщиной! Она просто б**дь!

В его голосе столько злости, столько едва сдерживаемой ярости, что я невольно отступаю назад. Он, видимо, замечает страх в моих глазах. Сдержанно улыбается, протягивает мне руку:

– Забудем о ней. Зачем мне Наташа, если у меня есть ты!

От этих слов светлеет на душе. Я порываюсь его обнять, но он легонько задерживает меня на полпути, берет за руку и ведёт по дорожке.

– Никогда не делай так больше, – тихо говорит он, наклонившись ко мне, – Наши отношения касаются только нас, и не стоит их показывать посторонним.

Я смущаюсь. Мой порыв обнять его был первым в моей жизни. И такая отповедь! Понимаю, что за месяц общения,

о нём, как о личности, я мало что узнала, а сегодня сразу два открытия. Он хронически не переносит измену и не любит показывать свои чувства посторонним. Восточный мужчина, что тут скажешь! Я рада, что узнала об этих его особенностях. Меня они не беспокоят. Я не собираюсь ему изменять, и мне тоже не нравятся поцелуи-обнималки на публику.

Вот только остаться наедине бедным студентам практически не удаётся. Рустам живёт в общежитии ещё с тремя ребятами в комнате, поэтому у него мы почти не имеем возможности уединиться. У меня легче: понимающая Светка иногда предупреждает, что на час-другой задержится, и мы можем посидеть в комнате. Мы этим с удовольствием пользуемся, но дальше поцелуев до боли в губах не идёт. Я не проявляю инициативу и не форсирую события. Если он так хочет, значит, так тому и быть. Главное, чувствую себя любимой.

А потом наступают новогодние праздники. Я, как всегда, еду домой, к тётке, а Рустам остаётся в общежитии. Говорит, что родители живут далеко и лететь к ним на несколько дней – роскошь. Мы созваниваемся каждый день. Второго января он говорит, что скучает, что жить без меня не может, что хочет увидеть.

– Если хочешь, я сейчас приеду, – проговариваю в трубку, молюсь, чтобы его слова были искренними.

– Хочу.

Не вдаваясь в объяснения, я говорю тёте Вале, что мне нужно ехать, и отправляюсь на автовокзал. Тётка не очень-то

и расстроилась моим скорым отъездом, у неё без меня забот хватает. Тётя Валя – родная сестра моей матери. Когда родители погибли в автомобильной аварии, она сказала, что не позволит, чтобы её трёхлетняя племянница воспитывалась в детском доме, и оформила опеку, несмотря на то, что у неё своих трое детей, и муж – алкоголик. Он умер через пять лет. С тех пор моя мужественная тётка сама тянула на себе детей, как могла. Я всегда знала и чувствовала, что неродная, хотя меня не обижали и не выделяли особо. Но тётка часто повторяла, что я должна вырасти и устраивать свою судьбу сама. Больше всего она боялась, что выйду замуж и приведу мужа и своих детей в её маленький деревенский домик, как сделала старшая дочь. Вышла замуж за такого же лентяя и пьяницу, каким был её отец, родила двоих детей, разошлась. И теперь в доме у тёти Вали жила моя старшая сестра с двумя сыновьями-погодками, средняя сестра – девка на выданье, и младший брат – подросток. Мне в этом доме, естественно, места не находилось. Да не очень-то хотелось искать, и я без тётки понимала, что должна дальше сама устраивать свою судьбу. Была очень благодарна тёте Вале хотя бы за то, что дала мне возможность хорошо выучиться в школе и поступить в университет на бюджетное отделение. «Иди на финансово-экономический, – наставляла тётка, – Будешь ближе к деньгам, не пропадёшь! Бухгалтеры везде нужны!» Благодарна за то, что всю мою пенсию до копейки она тратила на меня, не позволяя выглядеть «бедной сироткой». Я меч-

тала, что выучусь, устроюсь на работу в городе, и ни за что не вернусь в наш убогий посёлок. И вот в мои мечты внезапно врывается черноглазый красавец с обаятельной улыбкой. И учёба, работа, и устройство в городе отходят на второй план.

Он встречает меня на автовокзале. Как всегда, улыбчив и сдержан. Берет мою сумку в одну руку, другой подхватывает под локоть. Так хочется прыгнуть ему на шею, как показывают в романтических фильмах, но я его уже знаю, держу себя в руках.

– Какая тяжёлая сумка! Что ты везёшь?

– Тётка деревенских деликатесов наложила. Сегодня будем пировать, – сообщаю я.

– Поедем ко мне. В моём блоке никого нет, все на каникулы разъехались.

– В моём, наверное, тоже никого нет. Светка до четырнадцатого дома будет.

– Так у нас жилплощадь на выбор! – шутит Рустам.

Мы решили сначала отнести тяжёлые сумки в мою комнату, а потом пойти к нему. Но в тот день ничего не получилось. Я не успела поставить сумку и раздеться, как очутилась в его объятьях.

– Красавица моя, как я скучал без тебя, как мне было тоскливо и одиноко, словно солнце исчезло из моей жизни, будто луна спряталась за тучи, – горячо шепчет он, прерываясь между поцелуями.

– Я тоже скучала, Рустам, очень, – я со своим экономи-

ческим образованием не могу говорить так красиво и витиевато, как он, а мне так хочется выразить всю глубину моих чувств. И, не находя для него слов, я покорно отдаю себя.

– Я хочу, чтобы ты стала моей, слышишь, Даша, только моей!

Он отрывается от меня, смотрит в глаза, удерживая лицо в ладонях.

– Да, – проговариваю я, нервно сглатывая.

– Ты ведь понимаешь, о чём я говорю? Я знаю, у тебя никого не было до меня. Я обещаю быть нежным и чутким, я хочу любить тебя.

Вместо ответа дрожащими руками расстёгиваю кофточку.

Я, любительница женских романов и слезливых мелодрам, примерно представляла, что и как происходит между мужчиной и женщиной. Если обобщить всё, мной прочитанное, увиденное и услышанное от подруг, я должна была ощутить фейерверк восхитительных эмоций.

Я не ощутила ничего, подобного ожиданиям. Точнее, моё тело не испытало никакого фейерверка, как я ни прислушивалась к нему. Была боль, вполне терпимая, было ощущение тяжёлого мужского тела. Всё. Ничего, похожего на то, что подруги называли «разрядка, оргазм, кончить», я не испытала. Не испытало моё тело. Потому что душа обрела положительных эмоций сполна. Я получала удовольствие только от того, что смогла подарить наслаждение ему. То, что я это сделала, для меня не было сомнений, и это было главное для ме-

ня. Зачарованно наблюдала, как меняется его лицо, замира-
ла от восторга, слушая его порывистое дыхание, а его слова
«я люблю тебя», произнесённые хриплым шёпотом, позво-
ляли испытать нечто подобное так называемому «оргазму».

Разбудить мою чувственность ему удалось примерно че-
рез месяц. Я перестала ощущать себя скованной, моё те-
ло научилось не только доставлять, но и получать удоволь-
ствия. «Какая же ты страстная и несдержанная, тебе нужно
научиться держать себя в руках» – теперь часто повторял
Рустам, хотя ничего не имел против моей несдержанности.
У нас словно снесло крышу. Хотелось быть вместе в любую
минуту. Это подогревалось тем, что мы не могли быть вме-
сте так часто, как хотелось. Но если это происходило, благо-
даря моей всё понимающей соседке, мы забывали обо всём
на свете. Иногда даже о предохранении. И через три меся-
ца такого общения, в апреле, я поняла, что беременна. Если
быть точной, первой поняла Светка.

– Ты ему уже сказала? – прозвучал её неожиданный во-
прос, когда я вышла из ванной, куда убежала от запаха яич-
ницы.

– Не поняла: кому и что я должна сказать? – я уставилась
на подругу, прижимая к лицу мокрое полотенце.

– И что же тебе непонятно? Ты должна сказать Рустаму,
что беременна, – спокойно поясняет Света.

– Я?! Я беременна?!

– Ну не я же! Ты что, сомневаешься? Тогда вот, – она про-

тягивает мне какой-то пакетик, который вытащила из своей аптечки, – Он уже, наверное, просроченный. Но если тебе мало доказательств, сама сходи в аптеку, купи новый.

Я дрожащими руками беру у неё тест на беременность и снова скрываюсь в ванной. Ещё до того, как появились две полоски, я всё понимаю.

– Я сегодня снова ночую у Татьяны, – сообщает Светка, – Можешь устроить романтический вечер и преподнести своему Ромео новость. Интересно, как он отреагирует? Расскажешь завтра?

– Хорошо. Спасибо, Света, – рассеянно говорю я.

Мне и самой интересно, как он отреагирует. Мы не говорили о будущем, не строили планы. Он всегда пользовался презервативами, которые, правда, то соскакивали, то рвались, то, в порыве страсти, забывались на тумбочке. Но, тем не менее, если он ими пользовался, значит, не планировал детей. А я? О чём думала я? Что, если он скажет: мне не нужны дети? Что мне делать? Ехать к тётке со своим ребёнком? Восьмой человек на её пятидесяти квадратных метрах – это перебор.

Этот день показался мне самым ужасным в жизни. Целый день я сходила с ума от беспокойства, думая, как сказать ему, гадая, как он отреагирует на это. Он пришёл в девять вечера. У меня накрыт стол для романтического ужина. Но Рустам едва взглянул на него. Как только его куртка оказалась на вешалке, я сразу оказалась в его объятьях.

– Рустам, подожди, давай поужинаем, – я пытаюсь выскользнуть из его рук.

– Потом, мой цветочек, я так хочу тебя. Я скучал, – шепчет он, целуя меня за ухом. В любой другой день я таю от такой ласки, но сейчас меня это раздражает, я дёргаюсь, отшатываюсь от него.

– Что с тобой, Даша? – Рустам непонимающе смотрит на меня.

– Садись за стол, давай поужинаем, и... нам нужно поговорить.

– Ужин подождёт. Говори, – приказывает Рустам, видимо, что-то читая по моему лицу.

– Рустам, я беременна, – выпаливаю на одном духу, пока ещё есть смелость.

– Что???!!!

Его смуглое лицо бледнеет. А я думала, такое невозможно. Он замирает, пристально смотрит в глаза, словно пытается прочесть в них обман. Я с сожалением гляжу на него:

– Милый, для меня это тоже неожиданность.

Я делаю к нему шаг, протягиваю руку, но он отшатывается от меня, как от прокажённой. Резко разворачивается, хватается куртку и почти бегом исчезает из комнаты.

– Рустам!!! – пытаюсь задержать его, но мой голос попадает в пустоту.

Вот и поговорили. Эту ночь я провела одна, рыдая в подушку. Чего только не передумала. Одно поняла точно: из-

бавляться от ребёнка не буду. Выкручусь как-нибудь.

Утром меня разбудила ничего не понимающая Светка.

– Даша! Первая пара идёт, а ты спишь! Что с тобой! – вскрикивает она, глядя на меня.

Я с трудом встаю с постели, подхожу к зеркалу. Лицо вспухшее и помятое, глаза превратились в щёлочки.

– Что он с тобой сделал? – вопрошает подруга, – Что он сказал?

– Ничего, представляешь, он абсолютно ничего не сказал. Молча ушёл.

– Козёл! Трус! Негодяй! – Светка мечется по комнате, верно характеризуя моего жениха, проявляет заботу тем, что приносит мне воду, халат и тапочки, – Ничего, не переживай, это вредно тебе сейчас. Я найду его и заставлю прийти и поговорить!

– Нет, не нужно. Я теперь сама, – пытаюсь храбриться, но слёзы предательски текут по щекам. Сейчас, скорее, от её заботы и сочувствия.

Внезапно дверь открывается, на пороге Рустам.

– Явился, гад! – встречает его моя подруга.

– Света, выйди, нам с Дашей нужно поговорить, – миролюбиво просит он.

– Где же ты раньше был со своими разговорами?

– Света, выйди! – тон Рустама уже не такой миролюбивый.

Света смотрит на меня, я качаю головой, она фыркает и выходит из комнаты, хлопнув дверью. Как только дверь за-

крывается, хватаю со стола книгу (больше на нём ничего нет) и швыряю в Рустама. Я хотела это сделать ещё раньше, но его уроки не выносить чувства на публику прочно застряли у меня в голове. А сейчас публики нет, я хочу выплеснуть весь свой гнев, но не знаю, как, поэтому вслед за книгой летит мокрое полотенце, а потом тапочка, потом...

– Как ты мог меня оставить! Ты даже разговаривать не захотел со мной! Ты сбежал, как трус! Зачем ты пришёл! Я не буду избавляться от ребёнка! Катись отсюда! – ору на него я.

Он растерян, пытается уворачиваться, потом пытается улыбаться, воспринимая, как шутку, потом я вижу злость на его лице:

– Уймись, женщина!

Он в два шага преодолевает расстояние до меня, хватается за руки и слегка встряхивает:

– Я должен был подумать!

– И что, подумал? – едко выдаю я и замираю в его руках.

– Да! У Шагиных никогда не было и не будет незаконно-рождённых детей. Мы поженимся, ты родишь этого ребёнка. Всё будет хорошо.

Я выдыхаю облегчённо:

– Ох, Рустам! Я думала, что ты бросил меня! – рыдаю у него на плече.

– Как ты могла такое подумать, цветочек мой? – он успокаивающе гладит меня по спине.

– Рустам, у нас действительно всё будет хорошо. Ребёнок

родится в декабре. Ты уже будешь иметь образование, устроишься на работу, ты же знаешь, как не хватает в школах учителей-мужчин. А я переведусь на заочное отделение, найду какую-нибудь подработку...

– Женщина! Да ты уже всё решила! – шутливо возмущается Рустам.

– Я тоже думала всю ночь. И ты хочешь сказать, что я не права!

– Права, конечно, права. Но будет так, как я решу.

Мы подали заявление в загс и через месяц скромно расписались. Рустам подарил мне в день свадьбы широкое обручальное кольцо и огромный букет тюльпанов. Удивилась: почему именно тюльпаны.

– Эти цветы напоминают о моём доме, – объясняет без пяти минут муж, – Мне хотелось бы сейчас оказаться с тобой там.

– Ты жалеешь, что в такой день не будет никого из твоих родственников?

– Я всё понимаю, и они меня поймут, ничего страшного, – с грустью говорит он.

Впрочем, ни о какой свадьбе мы и не думали. Но друзья Рустама организовали всё без нас. Не ожидала, что у него так много друзей. Да как иначе: он такой общительный и обаятельный. Я гордилась им, когда на нашу так называемую свадьбу в актовом зале универа собрался почти весь его курс, ребята из КВНовской команды, и ещё какие-то просто знако-

мые. Даже неудобно как-то: меня пришли поздравить человек пять моих подруг. Тётя Валя со старшей дочерью Юлей присутствовали только на регистрации, подарили мне деньги и сразу уехали. Я чувствовала озабоченность и сомнения во взгляде тётки относительно моей судьбы, хотя она ничего не говорила. Я всеми силами старалась убедить её, что у меня всё в порядке и к ней жить я не приеду.

Вскоре мы нашли недорогую квартиру и перебрались туда. У меня началась счастливая семейная жизнь. Я навела порядок в уютном семейном гнёздышке, маленьком, не своём. Но всё равно: так хорошо и приятно чувствовать себя хозяйкой. Я готовила мужу завтраки, обеды и ужины, ждала вечером с лекций, оберегала его покой, когда он готовился к экзаменам, дарила ему наслаждение ночами. Была, как мне казалось, хорошей женой.

И вот в июле Рустам сдал последний экзамен. Торжественное вручение дипломов о высшем образовании. Моя сессия давно закончилась, и этот месяц я только и делала, что ждала и поддерживала мужа. А также тайком просматривала газеты и объявления с вакансиями учителей-словесников. Мы мало говорили о планах на будущее, я не загружала его разговорами, ждала, когда закончится суматоха с экзаменами. О будущем он заговорил сам, на следующий день после выпускного:

– Даша, тебе нужно пойти в деканат и оформить академотпуск.

– Зачем академ? Я просто переведусь на заочное.

– Никакой учёбы, пока не родишь. Я хочу, чтобы мой ребёнок вынашивался и рождался в спокойной обстановке. Доучишься потом.

– Хорошо, как скажешь, – так приятна его забота. Даже не настораживает, что решения принимает сам, не посоветовавшись, и выдаёт мне готовую данность.

Вот и следующая реплика не затронула никаких тревожных звоночков в моей душе:

– Через неделю летим ко мне. Родственники хотят познакомиться с тобой. На эту квартиру мы не вернёмся, так что собери все вещи.

Конечно, я понимаю, что он соскучился без родных, ведь виделся с ними только один раз в году, летом. Я понимаю, что глупо платить за квартиру, если мы в ней месяц не будем жить, потом найдём новую. Я понимаю, что должна познакомиться с его семьёй. Одно я не понимала и не подозревала: он из другого мира.

* * *

Город Хорог. Таджикистан. Июль 2012 год

Аэропорт Душанбе нас встретил ослепительно ярким солнцем, пыльным ветром и шумом незнакомой речи. Несмотря на то, что в полёте меня постоянно мутило, и да-

же в прохладном зале никак не могу подавить в себе неприятные ощущения, я с интересом рассматриваю здание, прилегающую к аэропорту площадь, украшенную фонтаном и великолепными клумбами. Но особо меня интересуют люди. Никогда не видела столько людей в экзотических (на мой взгляд) одеждах. Мужчины в светлых длинных рубашках поверх широких брюк, на женщинах похожего покроя длинные платья-рубahi, только очень яркие, пёстрые. Есть люди, одетые современно. Но мне, никогда не выезжающей за пределы Белгородской области, любопытно смотреть на новое, незнакомое, невиданное. Рустам оставил меня с сумками и куда-то исчез. Вернувшись, радостно сообщает, что наш самолёт через час.

– Снова лететь? Я думала, это мучение закончилось.

– В Хорог можно попасть и на самолёте, у нас там свой небольшой аэродром. К тому же так быстрее. На машине ехать несколько часов. А так – полчаса, и мы дома. Потерпи, моя птичка, совсем чуть-чуть осталось. Может, тебе водички принести?

Я киваю головой, он быстро уходит к торговым павильонам. Кажется, перелёт только меня сделал больной и беспомощной. Рустам бодр и свеж. Весь его вид говорит о радостном возбуждении. Я понимаю: он в родных местах, он скоро увидит родителей и братьев, по которым, конечно, скучал. Настраиваю себя стоически переносить трудности и не быть слишком большой обузой.

В Хорог мы летим на маленьком кукурузнике. Ощущения – не сравнимые с лайнером. Их можно сравнить скорее со старым разбитым аттракционом. То ты вдруг срываешься вниз, то медленно карабкаешься вверх. Мотор натужно гудит, кресла и обивка самолёта так дрожат, что, кажется, он сейчас развалится. У меня всё внутри бунтует против такой встряски. Я ничего не понимаю, ничего не хочу. Рустам не отрывается от маленького окошка.

– Даша, смотри, это гора Курган-Тюбе, здесь когда-то был буддийский монастырь. А вот мы подлетаем к горе Ку-хи-Лая, здесь добывают полудрагоценные камни. Даша! Посмотри, какие пастбища! Какая красота!

Я жалобно смотрю только на него, стоит мне кинуть взгляд вниз, на эту красоту, как у меня начинается дикая паника и голова кружится так, что хочется лечь и умереть на месте.

– Милая, потерпи, вот уже показались очертания Ботанического сада. Мы почти прилетели!

Из кукурузника он меня практически выносит.

– Слабая жена досталась, намучаешься с ней, – говорит кто-то с ужасным акцентом.

Я пытаюсь идти самостоятельно, хватаюсь за ручки сумки, но ноги, оказавшись, на земле, отказываются слушаться. Рустам дотаскивает меня до одинокой скамейки возле обшарпанного здания, которое я приняла сначала за сарай, но оказалось, что это аэровокзал.

Минут через двадцать прихожу в себя. Очень надеюсь, что мои мучения на сегодня закончены. Ан, нет! К скамейке, на которой мы сидим, на дикой скорости с грохотом подлетают белые «Жигули» первой модели. В окно «копейки» высывается голова колоритного водителя – широкая борода, усы, длинные чёрные волосы, перехваченные на лбу какой-то косынкой – настоящий Бармалей, только худой и узкоглазый. Он что-то говорит Рустаму, тот отвечает ему на том же языке.

– Поедем, Даша, наше такси прибыло.

Я с сомнением гляжу на эту ржавую машину, потом на своего мужа:

– Рустам, ты уверен?

– Не бойся, Ибрагим хороший водитель. А лучших машин здесь просто нет.

Делать нечего. Муж сказал. Я забираюсь в машину.

Ибрагим срывается с места, несколько метров несётся по дороге, которой, собственно, нет. Накатанная грунтовка с невероятным количеством ям, и каждая отзывается у меня где-то глубоко внутри. Я цепляюсь за обивку потёртого кресла, кричу. Рустам что-то говорит водителю, и тот сбрасывает скорость. Более-менее спокойно мы едем по пыльной дороге. Мимо проносится унылый однообразный пустынный пейзаж. Клочки какой-то растительности, чудом цепляющейся за серые камни. Редкие деревья, какие-то искривлённые, сторбленные, покрытые пылью. Серые горы вдали навевают

на меня такой страх, словно я стою на их вершине и хочу упасть. На меня, привыкшую к равнинной зелени Центрального Черноземья, пейзаж действует подавляюще. А Рустам совсем не разделяет моих чувств.

— Дашка, смотри, вон за той сопкой наше пастбище. А дальше, видишь гору с белой шапкой? Там берет начало наша речка! Она такая быстрая и холодная, но мальчишками мы всё равно купались в ней.

— Рустам, ты говорил, что твои родители живут в городе.

— Почти в городе, всего лишь полчаса езды от Хорога. Посёлок Навруз, вон за той горой откроется вид. Потерпи, радость моя, скоро ты со своим животиком сможешь отдохнуть.

Наконец мы въезжаем в посёлок. Я уже смирилась и с автомобилем, и с манерой вождения местного таксиста, и теперь с любопытством оглядываюсь по сторонам. Такие же пыльные, как и вся дорога, узкие улочки петляют между каменными заборами. За ними, всегда в глубине двора, замечаю дома. Какие-то здания похожи на те, что строят в России. Из красного кирпича, под шиферной крышей. Но некоторые настолько экзотичны, что трудно представить, как там живут люди. А ещё на улице очень мало зелени. Хотя трудно представить, как она может выжить под таким палящим солнцем.

Машина тормозит возле неприметной калитки в каменном массивном заборе. Впереди по улице вижу двухэтажный

кирпичный дом, совсем как в России. Очень надеялась, что нам туда, но мы не доехали каких-то сто метров.

Рустам выходит, достаёт из багажника сумки, помогает выбраться мне. Внезапно останавливается, будто что-то вспомнил, смотрит на меня, быстро достаёт из сумки мою кофточку, в которую я куталась ночью в Белгороде, ожидая вылета. Протягивает мне:

– Надень.

– Зачем, жарко же!

Я оглядываю себя: джинсы, майка... Неужели я что-то испачкала?

– Не спорь, надень, – требовательно говорит Рустам.

Я повинуюсь, натягиваю на потное тело трикотажную кофточку. Он ободряюще улыбается и открывает небольшую калитку в высоком каменном заборе.

Мы попадаем в большой тенистый двор, заросший виноградом. Вдали вижу привычные для взгляда фруктовые деревья. Не отрываясь, смотрю на яблоню с крупными красными яблоками на ветках. Хотя что-то знакомое встретилось в этой стране! Я даже не замечаю сразу полную женщину, в тёмном длинном платье и платке, полностью закрывающем волосы, которая, привалившись к стене, во все глаза смотрит на нас с Рустамом.

– Рустам! Сынок! – кричит она и бежит, задыхаясь, к моему мужу.

Он обнимает её, что-то быстро и горячо говорит (как

жаль, что я ни слова не понимаю!), отрывает её руки и, повернувшись ко мне, как я понимаю, представляет. Потому что я слышу своё имя: Дария.

– Дарига, – говорит мать Рустама, глядя на меня.

– Твоё имя непривычно для нас, но у таджиков есть похожее – Дарига. Мама хочет тебя так называть, – объясняет мне Рустам.

Ну вот, не успела приехать, а меня уже лишают имени. Приходится соглашаться, не спорить же в первый день из-за ерунды.

– Скажи маме, пусть называет так, как ей удобно.

– Сама можешь сказать, Дарига, – на чистейшем русском говорит женщина, – Ты называй меня мама, а ещё лучше оча, – добавляет она, окидывает с ног до головы оценивающим взглядом, и, проговорив что-то по-таджикски, направляется к дому.

Рустам подхватывает сумки и идёт следом. Мне ничего не остаётся делать, как плестись за ним.

Мы входим в низкое одноэтажное здание с белыми стенами снаружи и внутри, с маленькими окошками. Со стороны здание напоминает длинный сарай или ангар.

Проходим первую комнату, это, видимо, кухня, со стенами, побеленными известью. Вторая комната – большая гостиная, по-моему. Здесь обилие ткани. Ковёр на полу, две стороны занавешены гардинами на всю стену, хотя окошки за ними очень маленькие, на другой стене ковер и... всё.

Полное отсутствие мебели, только какие-то одеяла, скрученные в рулон, разложены возле стен. Дальше небольшой коридорчик, прямо двустворчатая деревянная дверь. Мама открывает её и пропускает нас в комнату.

– Располагайтесь, это ваша спальня, – говорит она.

– Спасибо, не думал, что ты отдашь нам эту комнату! – Рустам счастлив без меры.

– Теперь ты здесь хозяин, – говорит она и снова что-то добавляет на своём языке, отчего мой муж хмурится и резко отвечает ей в тон.

Я оглядываюсь по сторонам. Никогда не видела ничего подобного. Эта комната выглядит ещё более странной, чем гостиная. Спальня большая, но кажется маленькой тесной коробочкой из-за пёстрых ковров, которые здесь везде, где только можно. На полу и на трёх стенах ковры красно-синей расцветки, на четвертой стене такая же, как в гостиной, роскошная бордовая гардина, за ней угадывается маленькое окошко. В центре комнаты огромная кровать под пёстрым шёлковым покрывалом, у стены несколько длинных диванчиков без спинок. Маленький туалетный столик в углу возле окна.

– Располагайтесь, отдыхайте с дороги, – говорит мать Рустама и собирается выйти.

– Извините, а где я могу помыть руки и умыться? – понимаю, что отдыхать в той пыли, которой покрыта моя кожа, не получится.

– Я покажу... – быстро говорит мне Рустам, но его мать перебивает.

– Сама. Это женские дела, тебя не касаются, – резко говорит она, – Идём, Дарига, за мной.

Она выходит из комнаты, даже не оглянувшись, поспеваю ли я. Следом за ней я попадаю в маленькую комнатку с серыми стенами, в которой старый умывальник, большая открытая ёмкость с водой и множество тазов всевозможных размеров.

– Это женская туалетная комната. Можешь не переживать: мужчины сюда не зайдут. Вот вода, берёшь любой таз, моешься. Грязную воду можешь вылить в этот сток в углу, чистую расходовать очень экономно, носить её приходится из колодца. Не забывай – это Азия, а не Россия. Здесь свои порядки и правила. Если не сможешь к ним приспособиться – не выживешь! – объясняет свекровь.

– Спасибо...

Пытаюсь улыбаться и быть вежливой, но мои слова уходят в пустоту: она удивительно быстро для её полной фигуры исчезает из так называемой ванной. Не успеваю даже поинтересоваться, где тёплая вода. Потом понимаю: это глупо. Поливаю себя из ковшика водой из ёмкости. Полотенца не нахожу, натягиваю на мокрое тело свою запылённую одежду, жалея, что не захватила халат, и быстро перебегаю в нашу спальню.

Рустам тоже освежился. Я его с трудом узнаю. На нём ши-

рокие свободные брюки из лёгкой светлой ткани, длинная белая рубашка, шёлковый тёмно-синий жилет. Он чисто выбрит, влажные волосы, как всегда, зачесал назад. Он так красив и... я вдруг понимаю, что передо мной восточный мужчина до мозга кости. Как будто у меня только что открылись глаза на этот факт. Сама себе кажусь рядом с ним убогой и неестественной. Особенно после первого знакомства с его матерью.

– Я не понравилась твоей маме, – с грустью озвучиваю беспокоившую мысль.

– Даша, не говори глупости. У мамы просто такой характер, ей нельзя быть другой, у неё в руках большая семья. Четверо сыновей не просто удержать в узде. Но, благодаря её твёрдости, ни один из нас не пошёл по кривой дорожке. Все работают, имеют собственные дома, все женаты на хороших таджичках.

– Только младший свернул не туда. Нашёл себе какую-то русскую.

– Ты опять за своё! Кстати, в ту ночь, когда я узнал о твоей беременности, я сразу позвонил маме. Я был так растерян, но именно она убедила меня жениться.

– Да? А я-то подумала, ты женился, потому что любишь меня!

– Я люблю тебя, конечно, не цепляйся к словам. Я хотел сказать, что мама относится к тебе так, как и к любой другой своей невестке. Просто она такая. Она хозяйка здесь. Ты

обязана её уважать и слушаться. Тем более тебе здесь всё незнакомо и непривычно. А мама тебя научит всему и всё покажет.

– А ты? Я думала, ты мне всё покажешь!

– Ох, Дарига! До чего же ты смешная! Ну что я смыслю в женских делах! – он хохочет, разваливаясь на всю кровать, и тянет меня за руку, присоединиться.

– Рустам! Хотя бы ты называй меня моим настоящим именем! – я сопротивляюсь, выказывая тем самым недовольство.

– Хорошо, в этой комнате ты Даша.

– А как зовут твою маму?

– Надира. её зовут Надира. Иди сюда, – он хлопает по покрывалу рядом с собой, – Тебе нужно немного отдохнуть, в твоём состоянии трудно перенести такую дальнюю дорогу. А вот когда отдохнёшь, уже не будет казаться, что кто-то тебя здесь не любит.

Я жалобно улыбаюсь, покорно укладываюсь на постель, хочу прижаться к мужу, но он вдруг встаёт.

– Ты куда?

– Отдыхай. Я не устал вовсе, хочу повидаться с братьями. Не терпится просто.

– А как же я?! – жалобно ною.

– А ты со всеми познакомишься вечером, за праздничным ужином. Сейчас отдыхай.

Он чмокает меня в щёчку и быстро выходит из комнаты.

Я просыпаюсь от шума. Понимаю, что в доме много людей, дети. Громкий непонятный разговор, визг, смех. Вспомнила, что вечером праздник в честь нашего приезда. Рустама рядом нет, одной выходить из комнаты боязно. Надеваю свой самый лучший летний костюм – светлая льняная юбка чуть ниже колена и блузка. Причесалась и подкрасилась, и в нерешительности сажусь на краешек кровати. Интересно, обо мне вообще вспомнят? Где мой муж?

Никогда не была трусихой, теперь уже поздно начинать! Да и раньше нужно было бояться, когда замуж выходила, а теперь чего уж тут. В грудь больше воздуха, последний взгляд в зеркало на побледневшее лицо, и я открываю дверь.

Чуть ли не сталкиваюсь в коридоре с худенькой девочкой, на вид лет десять. Такое впечатление, что она стояла за дверью, ждала, когда я проснусь.

– Ой! – вскрикиваем оба.

– Бибиджон хотела узнать, проснулась ли ты? – говорит девочка, смущаясь.

– Что? – не понимаю я.

Девочка ничего не объясняет, быстро убегает. Тотчас появляется моя свекровь. Молча окидывает меня взглядом, разворачивается и уходит. Я мнусь в нерешительности в коридоре, не зная, что делать. К счастью, свекровь быстро возвращается, несёт в руках какие-то яркие вещи, протягивает мне.

– Переоденься. В доме полно мужчин, а у тебя юбка колени не прикрывает.

Я забираю вещи, захожу в комнату. Она принесла мне длинное шёлковое платье, красиво вышитое по круглой горловине, широкие брюки, точнее, шаровары, они присборены снизу, и косынку. Всё подобрано в цвет, всё яркое, красивое, национальное.

Одеваюсь в соответствии с местным этикетом, теперь я похожа на одну из тех девушек, что видела в аэропорту. Только с косынкой не знаю, что делать, накидываю на плечи, выхожу.

Свекровь ждёт меня в коридоре. С улыбкой кивает головой: увиденное ей понравилось. Помогает мне завязать на голове косынку:

– Так-то лучше, Дарига. Пойдём, с семьёй познакомишься.

Иду следом за ней какими-то темными коридорчиками, попадаю на кухню, где хлопочут над столами три молодые девушки. Они одеты так, как и я: длинные платья рубашечного покроя, шаровары и косынки на головах. Только цвета разные, непременно яркие. И ещё заметила: на руках и на шее у каждой много золотых украшений. Этот яркий блеск золота, камней и шелка слил для меня все лица, поэтому я совершенно не запомнила, кто из них Абигайль – жена старшего сына Нурмата, кто Султон – жена Алишера, а кто Зухра – жена Акмаля. Непривычные для моего слуха имена детей

вообще слились в нечто непонятное. Единственное запомнила, что дочь старшего брата Рустама зовут Медина – это та девочка, которая приходила меня будить. И которая единственная из женщин, не считая свекрови, говорит по-русски.

– Ленятся мои невестки, не хотят учить русский. Зачем, говорят. Оно и верно, чтобы еду приготовить, за домом следить, да мужа ублажить, языков знать не нужно, – поясняет свекровь.

Я вежливо улыбаюсь каждой из новых родственниц. Что мне ещё остаётся делать? С ними не поболтаешь.

– Мама...

– Оча, оча Надира, – поправляет меня свекровь. Она хочет меня приучить к их языку? Хорошо.

– Оча Надира, – с трудом выговариваю непривычные слова, – Чем я могу помочь?

Я и так себя неловко чувствую, все женщины вокруг носят, хлопочут, а я стою посредине, глупо улыбаюсь.

– Всё, на стол накрыто, мужчины уже сидят, тебя ждут. Пойдём.

Надира за руку ведёт меня из кухни, мы попадаем в гостиную, которую я уже видела и удивлялась отсутствию мебели. Теперь я поняла, почему так. Сейчас посреди комнаты стоит низкий столик, вокруг которого расположились мужчины. Они сидят почти на полу, подложив под себя что-то типа скрученного одеяла. Во главе стола вижу высокого худого старика с седой густой шевелюрой и маленькой тубетей-

кой, прикрывающей макушку. Лицо испещрено сетью тонких морщинок, разрез глаз настолько узкий, что кажется сначала – они закрыты. И только позже замечаешь блеск очень живых, очень темных пронизательных глаз. Цвет кожи жёлто-серый; мне показалось – нездоровый, хотя, может быть, для этой национальности естественный. На нём полосатый яркий халат, подпоясанный платком и неизменные здесь шаровары. Понимаю, что это отец Рустама. Он не сказал ни слова, только взглянул на своего младшего сына, потом зыркнул на меня. Осанка его изменилась, выражение лица тоже, он стал каким-то величественным.

Рустам тотчас вскочил, подошёл ко мне, взял за руку. Глядя на отца, заговорил что-то на таджикском, и по тону и по выражению лица мужа я понимаю, что он оправдывается, по крайней мере мне так кажется, ведь я не понимаю ни слова, кроме «Дарига». Хозяин, именно так можно назвать сухого старика с гордой осанкой, благосклонно кивает головой. Мне кажется, что и Рустам и свекровь позади меня облегчённо выдыхают. Рустам, наконец-то, начинает говорить по-русски:

– Это моя жена, Дарига, или Даша, по-русски. Даша, мой отец, Аджибек. Ты можешь обращаться к нему по-нашему: отаджон. Мои братья. Старший Нурмат.

Мне кивает из-за стола седой мужчина – широкий в плечах, с солидным животом. Он самый крупный из всех Шагиных. Видимо, пошёл в мать, весьма внушительную жен-

щину.

– Добро пожаловать в семью, – говорит он.

– Мой брат Алишер, – представляет Рустам, и я смотрю на худого подтянутого мужчину. Чёрные волосы, широкие чёрные брови, усы. Фигурой и лицом очень похож на своего отца и, немного, напоминает Рустама. Единственный в этой комнате одет в обычную рубашку и джинсы. Он улыбается мне и подмигивает.

– Калым не платил, а такую красавицу отхватил! – комментирует Алишер.

– А это Акмал, – указывает Рустам на низенького мужчину в халате.

Тот не удосуживается словесными приветствиями, молча кивает головой и продолжает жевать.

– Я очень рада познакомиться со всеми. Спасибо за радужный приём.

А что я ещё могу сказать, даже если особого радушия и не заметила? Рустам, с чувством исполненного долга садится на своё место за столом. Я в растерянности стою посреди комнаты, позволяя себя рассматривать. Делаю шаг, чтобы сесть рядом с мужем. Но чувствую, как свекровь тянет меня за руку обратно в кухню.

Там уже накрыт стол, и невестки с детьми расселись вокруг, и что-то, хохоча, обсуждают. Надира усаживает меня рядом с собой. Одна из невесток, по-моему, Зухра, я запомнила её по множеству косичек, тотчас вскакивает и подно-

сит свекрови и мне тарелки с супом, хотя уверена: у них это блюдо по-другому называется.

– Почему вы не сидите за одним столом с мужчинами? – тихо спрашиваю у свекрови.

– Это Восток, здесь такие традиции. Женщины должны находиться отдельно. Дом тоже разделён как бы на две части – мужскую и женскую. Я потом покажу. Есть комнаты, куда ты не имеешь права заходить. Но в то же время и к тебе не зайдёт ни один посторонний мужчина, – терпеливо объясняет свекровь.

После этого мой лимит общения, видимо, исчерпался, Надира переключается на разговор с другими невестками, из которого я ничего не понимаю. Поэтому весь вечер молча сижу за столом, наблюдая за сменой эмоций на лицах своих новых родственниц, чтобы хоть немного понять, о чём они говорят. Или прислушиваюсь к мужским голосам, доносящимся из гостиной, но они тоже говорят в основном на своём языке.

Поздно вечером, когда мужчины насладились общением, все выходят во двор. Летняя ночь восхитительна. В воздухе стоит приятный свежий запах. Бархатное небо усыпано звёздами. Почти как в России. Я забываюсь на мгновение, где нахожусь, понимаю, что успела соскучиться без мужа, поэтому тихонько подхожу и беру его за руку. Тем более что жены его братьев тоже стоят рядом со своими мужьями. Но оказалось, они объединились, чтобы преподнести мне подарки.

– Дарига, мы рады, что в нашей семье появилась такая замечательная девушка, – вдруг говорит Нурмат, – В честь этого мы женой решили подарить тебе скромный подарок.

Он протягивает мне свёрток яркой ткани, и отдельно подаёт золотой браслет.

– Спасибо, – только и проговариваю я, потому что другие братья, не особо задумываясь над речами, подают мне почти то же самое – какие-то яркие вещи и золотое украшение.

Бормочу всем спасибо, надеюсь, женщины понимают, что это слова благодарности. Мне никогда не дарили сразу столько вещей. А уж золотые украшения вообще никогда, не считая обручального кольца.

– Мы не смогли одарить тебя в день свадьбы, так как были далеко, поэтому не обижайся, прими сейчас, – говорит Акмал. Это его первые слова, обращённые ко мне.

– Даже не думайте: свадьба будет! – вдруг вклинивается в разговор Надира, – Как же, перед соседями неудобно: младший сын женился, а никто и не погулял. Подумают о нас плохо. Так что через неделю зовите всех друзей, знакомых, будем гулять!

– Успеем за неделю? – спрашивает Нурмат.

– Конечно, успеем, ты посмотри, сколько у меня помощниц теперь, четыре! – говорит свекровь, посматривая на меня.

Наконец я в спальне, наедине с мужем. Так много впечатлений, так много хочется сказать, но от усталости едва дер-

жусь на ногах. Физически немного работала, но постоянное эмоциональное напряжение меня вымотало. А может, беременность сказывается.

– Ты очень понравилась на первый взгляд моим братьям, – говорит Рустам, уже лёжа в постели.

– Почему на первый взгляд? – я пытаюсь снять с себя необычные наряды.

– Тебя ведь оценивают сейчас только по внешнему виду, какая ты, никто не знает. Очень надеюсь, что ты не испортишь хорошего мнения о себе.

– Постараюсь, просто здесь для меня всё такое непривычное.

– Не переживай, скоро освоишься. Только слушайся маму, она тебе всё покажет и расскажет. С уважением относись к моему отцу и братьям, и тогда всё будет хорошо.

– Я не понравилась твоему отцу?

– Он, конечно, хотел, чтобы я взял в жены таджичку. Но теперь дело сделано, ничего не изменишь. Я сказал, что ты похожа на наших девушек – послушная, трудолюбивая, скромная. Он благословил наш брак. Теперь дело за тобой: не опозорь меня перед отцом.

– Я люблю тебя и сделаю всё, что от меня требуется, – говорю я, облачившись, наконец-то, в свою любимую пижаму и, забравшись под гигантское шёлковое покрывало, прижимаюсь к мужу, – Только я соскучилась без тебя за этот сумасшедший день.

– Я тоже. Иди сюда, – шепчет мне Рустам.

Мне кажется, я только что закрыла глаза и провалилась в сон, как кто-то уже толкает меня в плечо. Открываю глаза – надо мной стоит свекровь. Я подскакиваю в постели, открываю рот, чтобы спросить, что случилось, но она прижимает палец к губам, приказывая не шуметь, и, выходя из комнаты, машет рукой, приглашая следовать за ней. Я натягиваю халат и выбегаю в коридорчик. Замечаю для себя, что ещё очень рано, судя по сумраку, даже солнце не взошло.

– Что случилось? – испуганно спрашиваю Надиру.

– Утро, что ещё может случиться! – спокойно отвечает свекровь. – Ты собираешься стать хорошей женой моему сыну? Хорошая жена не валяется в постели до обеда. Она должна приготовить мужу завтрак, привести в порядок дом, потом себя, чтобы он с радостью посмотрел на свою красавицу и ещё больше любил.

Я не очень понимаю, что от меня сейчас требуется, но вспоминаю обещание мужу во всём слушаться его маму, поэтому безропотно спрашиваю:

– Что я должна сделать?

– Во-первых, одеться, как подобает. Тебе вчера невестки надарили нарядов, в сундуках в комнате тоже полно платьев, это мои вещи, но мне они уже малы, я их в молодости носила. Так что можешь надевать всё, что тебе понравится. А о вещах, в которых приехала из России, забудь. Я не хочу, что-

бы соседи говорили, что моя невестка одевается как блудница. Оденешься, приходи на кухню. Только не разбуди своего мужа.

Отдав распоряжения, Надира удаляется царственной походкой, насколько позволяет её вес, по крайней мере, голова горделиво приподнята. Показываю её спине язык и бреду в спальню, одеваться, как истинная таджичка.

Диванчики без спинок, стоящие в комнате, оказались сундуками, обитыми мягкой тканью. В них действительно много яркой женской одежды. Отдельно сундук с мужскими рубашками и брюками, отдельно – постельное белье и покрывала. Я поняла, что мы с Рустамом занимаем сейчас родительскую спальню. Платье свекрови, которое я откопала в одном из сундуков, сшитое из светлой хлопковой ткани, мне велико. Но так как подаренные вчера наряды оказались слишком яркими, пришлось надевать его. Заплела свои изрядно подросшие волосы в косу, повязала косынку, их здесь нашлось невероятное количество, поэтому поняла, что головной убор – обязательный атрибут, и тихонько вышла из спальни. Мягко ступая по коврам, иду на кухню, но там никого нет. Замечаю свекровь во дворе, она хлопчет возле большой странной печки, сложенной под навесом в углу двора. Подхожу к ней:

– Что помочь?

– Ты запомни, Дарига: здесь Азия, женщине с утра спать некогда, к тому же утром не так жарко, легче всё переделать.

А вот в обед, когда солнце припечёт, тогда и отдохнёшь.

– Да вы не переживайте, я всё буду делать, только скажите.

– Вот и хорошо, а то я уже не справляюсь сама. Пока печка разогревается, ты двор должна подмести. Даже если он чистый. Это традиция такая: с утра невестка подметает двор и улицу до соседнего дувала (забора), чтобы соседи не подумали, что лентяйку в дом взяли. В твоём положении это как раз для тебя работа. Вот в углу метла.

Делать нечего, беру метлу и подметаю двор, это не трудно, но как-то унинительно. Странные у них традиции! Хорошо, что я здесь ненадолго, месяц и потерпеть можно. Двор относительно чист, выхожу на улицу. Территория напротив двора метров сто в длину, хорошо хоть улица узкая. Она идёт слегка под горку. Калитка находится в центре, поэтому я мету сначала правую сторону, потом возвращаюсь и двигаюсь налево. Чей дом справа, мне неизвестно, а вот слева, рядом с родительским, большой кирпичный дом на два хозяина, который принадлежит братьям Рустама – Нурмату и Акмалю. Именно этот дом мне так понравился вчера, даже разочаровалась, что не там живут родители. Другой брат, Алишер, живёт в самом Хороге. Об этом мне успел поведать Рустам.

Свекровь оказалась права: за соблюдением традиций здесь строго наблюдают. Не успела я закончить работу, как заметила, что не осталось ни одного домовладения, где из-за дувала на меня не поглядывали бы глаза любопытных таджичек. Женщины здесь действительно встают рано, а вот

мужчин я ни одного не заметила.

Вернувшись во двор, помогаю свекрови печь лепёшки, точнее, просто подаю ей уже раскатанное тесто, а она очень ловко прикрепляет его к стенкам их странной печки, называется тындыр. Здесь же, под навесом, мы готовим с ней какую-то похлёбку с огромными кусками мяса, бросая туда очень крупно порезанные овощи. Мастоба – так назвала Надира это блюдо. Понимаю, готовить на улице и в такую рань – жизненная необходимость в этих местах. Уже в девять утра солнце палит так, что и в тени не спрячешься. Жару придаёт и печка. Я чувствую, что обливаюсь потом, ощущаю слабость. Свекровь замечает это, отправляет меня в ванную, «привести себя в порядок перед пробуждением мужа». Её слова приводят меня в шок, не подаю вида. Потом думаю, может это и правильно – так относиться к мужчинам. Может, он в ответ тоже будет заботиться о тебе, носить на руках? Так и получится крепкая семья, основанная на заботе и уважении.

Не знаю, как другие мужья, но Рустам не заметил моего трудового подвига. (Это, наверное, тоже входит в традицию?) Заметил только, что я прекрасно выгляжу. Ещё бы, я освежилась, надела одно из нарядных платьев, полученных в подарок, успела подкрасить ресницы и губы. Красивая, бужу мужа поцелуем.

– Даша! Прекрасно выглядишь, даже лицо немного загорело. Ты так похожа на таджичку в этом наряде!

– Доброе утро! Твой папа ждёт тебя завтракать, – говорю ему.

А мысленно добавляю, что не только нарядом похожа на таджичку. И было бы странно, если бы у меня не загорело лицо под этим палящим солнцем. Но вслух ничего подобного не говорю, потому что это похоже на жалобу. Надира только что прочитала лекцию о том, что жаловаться мужу – последнее дело, перед ним я должна быть всегда приветливой и доброжелательной, за это он и будет меня любить. Рустам тут же доказывает её слова: нежно целует меня, говорит то, что каждая женщина больше всего хочет слышать – «люблю тебя», и сам весь светится счастьем и довольством. Впрочем, как я понимаю, именно ради этого и вся утренняя суматоха – чтобы мужчина был доволен.

Во дворе, под виноградником, небольшой помост, айвон, как назвала свекровь эту своеобразную террасу. На нём лежит ковёр. Ковры тут везде, даже на улице. Свекровь сказала – это символ достатка. Как я понимаю, попала в богатую семью. Должна быть рада. На айвон мы с Надирой устанавливаем неизменный низенький столик, достархан, за который усаживаются Рустам и его отец. Подношу блюда, которые мне подаёт свекровь. Стол накрыт, я возвращаюсь к печке, наливаю себе суп и иду к мужу, чтобы присоединиться. С трудом усаживаюсь, не понимаю, как у меня получится кушать, стоя почти на коленях, куда деть ноги. Наконец, как-то разместилась рядом с Рустамом. Вижу пристальный

взгляд свёкра, непонимающе смотрю ему в глаза, хочу спросить, что ему нужно, но из головы вылетает и его имя и принятое здесь обращение к отцу.

– Тебя зовёт мама, – говорит мне шёпотом Рустам и помогает подняться на ноги.

– Извините, – говорю я, всё так же глядя прямо на свёкра, и выбираюсь из-за стола.

Подхожу к свекрови, она гневно смотрит на меня. Что я успела натворить?

– Никто, даже мужчины, не имеют права смотреть в лицо старшему, а уж тем более женщина, – торопливо выговаривает мне свекровь, за руку утаскивая подальше от помоста, – Девушка должна скромно опускать глаза, это во-первых. Во-вторых, я ещё вчера говорила, что мужчины и женщины не сидят за одним столом.

– Но я думала, это касается только праздничных столов. И там мой муж, я хочу быть рядом с ним, – оправдываюсь я.

– Твой муж не достоин уважения? Что ты его так позоришь! Ночью будешь рядом с ним, а днём у тебя должны быть свои дела!

– Так что, я теперь и кушать не должна! – всё во мне бунтует против этих странных порядков. Стараюсь сдержаться, чтобы не закричать.

– Должна, только после того, как поедят мужчины.

– Ещё скажите, я должна есть то, что останется после мужчин!

– Ты знаешь эту традицию? Она очень старая, сейчас её не придерживаются, но раньше жена могла есть только то, что оставил ей на своей тарелке муж.

– С ума сойти! А если он очень прожорливый и ничего не оставил?

– Если не заслужила, может и не оставить, а если жена хорошая – никогда голодной не будет.

– А я голодна! И я беременна, если вы забыли! Мне нужно хорошо питаться!

– Так иди на кухню и кушай себе на здоровье. Я тебе ещё и фрукты принесу! Знаешь, какие у нас яблоки уродили, а виноград!

Свекровь вдруг меняет гнев на милость и заботливо уводит меня со двора в душную кухню. Но там я хотя бы могу поесть, не вызывая гнев и недоумение новых родственников.

Всю неделю семья готовится к нашей свадьбе. Устанавливаются во дворе длинные столы и скамейки, братья Рустама привозят всевозможные ковры и развешивают вдоль забора. Невестки у нас появляются с утра, приводят в порядок двор и сад, наводят чистоту в доме. Я тоже не сижу без дела, так что к вечеру буквально валюсь с ног. В связи с тем, что у нас в доме братья с жёнами бывают практически каждый день, остаются обедать и ужинать, готовить приходится много. Для меня эта неделя стала практическим занятием по приготовлению блюд таджикской кухни. Мне кажется,

целый день я что-то крошу, чищу, режу, мою посуду, подношу, уношу. Снова крошу, взбиваю тесто, сортирую фрукты. Не успеваешь убрать посуду после завтрака, как пора думать о приготовлении обеда, а там и ужин недалеко. Таджикская кухня очень разнообразная, вкусная, обильная. За обедом и ужином должно быть не менее трёх блюд, не считая десерта в виде выпечки, которая иногда называется, как и у нас – хворост, халва, пахлава, но имеет совсем другой вид и вкус. А уж сколько времени и сил уходит на приготовление всего этого!

Чем ближе день свадьбы, тем напряжённое. В доме появляется много незнакомых женщин, так как приготовить еды нужно человек на сто. Я, как и положено, просыпаюсь в пять утра, традиционно мету улицу, а потом подключаюсь к общему труду, у них это называется хашар – добровольная помощь в каком-либо деле. Меня иногда отправляют в комнату отдохнуть, но, видя, что на обеденный сон никто не тратится, мне тоже неловко уходить.

День свадьбы отпечатался в виде отдельных картинок. Я так уставала до этого торжества, что только и мечтала, как бы поскорее всё закончилось, и в доме восстановился покой. Помню, что утром невестки нарядили меня в белое атласное платье, украшенное голубой вышивкой. Сюзане – всё время говорят они, я не понимаю, кто такая эта Сюзанна, но Медина, которая всё время крутится рядом, объясняет, что сюзане – это традиционная таджикская вышивка. На голову мне

надевают тюбетейку, поверх неё что-то типа фаты или большого платка, тоже искусно украшенного вышитыми цветами. На руки и на шею мне надели все золотые украшения, которые до этого были подарены, а также свекровь преподнесла мне утром в день свадьбы ещё целую шкатулку золотых изделий. Я сопротивляюсь такому обилию украшений, золовки меня не понимают, но тут появляется Надира и одно её слово «так положено» пресекает все мои протесты.

Потом толпа людей, однообразная народная музыка, не смолкающая весь день, на её фоне гул незнакомой речи. Сначала я сижу за столом рядом с мужем, но к еде прикасаться не имею права. Не очень-то и хочется. Нас поздравляют, кто-то старается по-русски, но в основном поздравления понимает только жених. Я должна скромно улыбаться и кланяться, не поднимая глаз, благодарить за подарки. В основном это ковры, посуда и золото. Потом по традиции меня и мужа обводят несколько раз вокруг дома, потом какой-то уважаемый старик долго что-то говорит, видимо, благословляя наш союз. Ближе к вечеру мне приходится расстаться с мужем, меня уводят за женский стол. Здесь я могу поесть, но от усталости и волнения горло скрутило болезненными спазмами, пью только щербет, по-нашему компот из фруктов, и заталкиваю в рот кусочки хлебной лепёшки. Далеко за полночь торжество заканчивается, мы должны проводить всех гостей, лично поблагодарить каждого за то, что пришли. Как добралась до постели, помню с трудом. Какая уж там

брачная ночь! Первый раз засыпаю раньше мужа, даже не дождавшись его из ванны.

Утром будит поцелуй любимого. Блаженно потягиваюсь, обвиваю его шею руками, прижимаюсь к лицу, открываю глаза. Судя по яркому свету – часов девять утра. Вскрываю с постели, как ненормальная, отпихивая новобрачного. Проспала! Сейчас от свекрови получу нравоучительную лекцию! Это первая мысль. Вторая – какого чёрта! Я новобрачная, могу я хоть одно утро поваляться в постели, тем более что всё здесь для счастья мужчины, а он будет счастлив, если сейчас буду с ним. Оборачиваюсь, смотрю в недоумевающие глаза Рустама.

– Ты чего дерёшься? Куда собралась бежать от мужа?

– Уже никуда! – ныряю обратно в постель.

– Ты теперь моя законная жена по обычаям двух стран. И я хочу получить то, что мне по закону положено, если уж не ночью, то хотя бы с утра, – шепчет муж, приподнимая мою нарядную ночную сорочку.

Следующая неделя проходит относительно спокойно. Я продолжаю упорно постигать основы натурального хозяйства. То, что родители Рустама, как и все прочие в этой деревне, ведут натуральное хозяйство, я вскоре поняла. Здесь всё своё: овощи, фрукты из собственного сада и огорода, который нужно тщательно поливать водой из арыков, иначе солнце спалит всё за несколько дней. Здесь своё мясо и молочные продукты – держат большое стадо овец и коз, и я

учусь делать масло и местный сухой сыр – курут. Хлеб пекут тоже сами, покупают только муку. Огромное хозяйство требует постоянного внимания, работать приходится с утра до вечера и переделать всё просто нереально. Особенно когда понимаешь, что всё домашнее хозяйство лежит на женских плечах. Не могу понять, чем здесь занимаются мужчины. Я спросила как-то у Рустама, он ответил, что братья занимаются бизнесом, каким, не уточнил, сказал, я не пойму. А их отец вообще ничем не занимается. Постоянно вижу его сидящим на айвоне под виноградником. Постоянно у него в руках пиала с неизменным в этих местах зелёным чаем. Иногда к нему присоединяются такие же, как он, старики, они о чём-то тихо беседуют, а мне или свекрови приходится следить, чтобы не пустел чайник. Со мной свёкор всё так же немногословен, хотя я уже знаю, что он понимает и даже немного говорит по-русски, но, видимо, я ещё не заслужила того, чтобы со мной разговаривать. Поэтому наше общение ограничивается словами «доброе утро» и «спокойной ночи», которые я с трудом, но уже говорю по-таджикски.

В конце второй недели я самостоятельно могу заняться стиркой. Это целая эпопея для меня, потому что постирать вещи можно в ванной комнате, конечно, руками, используя обычное мыло и стиральную доску. А вот чтобы прополоскать, нужно идти на речку. Это недалеко, метров пятьсот от дома. Речка у них кажется очень мелкой, так как везде из воды торчат камни, даже на середине. Но очень быстрая и очень

холодная. В первый же раз, когда я отправилась туда самостоятельно, у меня течением вырвало из рук простынь и в один миг унесло на несколько метров в сторону. Она зацепилась за камни, я попыталась достать, но стоило мне ступить в воду, как ноги свело судорогой. Меня выручили мальчишки, которые играли неподалёку, они бесстрашно бросились в ледяную воду и вытащили мою потерю. В следующий раз я старалась держать вещи очень крепко.

Чем больше я здесь нахожусь, тем больше понимаю, что люди тут живут очень просто, очень бедно, если сравнивать даже с сельской Россией. Исключение составляют мои новые родственники и ещё, наверное, несколько семей, чьи домовладения отличаются от общей убогости. На речку приходится идти почти через весь аул, и я понимаю, что домовладение Шагиевых одно из самых больших и ухоженных. А двухэтажный дом братьев выделяется среди общей массы хижин, слепленных в основном из глиняных кирпичей, как в российской глубинке выделяется, допустим, клуб или здание администрации. Но, несмотря на то, что родственники живут по сравнению с другими очень даже неплохо, жизнь здесь нелёгкая. И я рада, что скоро лето закончится, и мы сможем вернуться в Белгород, где я смогу ощутить такие блага цивилизации, как вода, бегущая из крана, горячая ванна, обычный чёрный хлеб и сливочное масло из магазина.

На следующей неделе день рождения у младшего сына Акмаля, ему исполняется пять лет. В честь этого намечается

празднование с большим количеством приглашённых. Три дня мы с Надирой проводим в доме Зухры, помогая ей готовить, убирать, а заодно следить за тремя её детьми. По-другому нельзя, она же помогала готовить мою свадьбу!

Не успели отгрезить именины малыша, как приближается годовщина свадьбы старшего сына. Нурмат и Абигайль вместе живут уже пятнадцать лет. Для меня все праздники сливаются в постоянное нахождение на кухне в толпе не говорящих по-русски женщин. От этого я очень устаю и физически и эмоционально. Да и растущий ребёнок даёт о себе знать. А ещё меня очень тяготит то, что я практически не вижу мужа. Даже не знаю, где и с кем он проводит все дни. Мне сообщается, что с братьями. Я ничего не имею против его общения с родственниками, но иногда так хочется оказаться с ним рядом, поговорить, прижаться к плечу. Но днём, даже если я вижу его, позволить такую вольность по отношению к мужчине, да ещё на глазах посторонних, я не имею права. А в спальне либо я засыпаю, не дождавшись его, либо он уже спит, когда я возвращаюсь после того, как помогу убрать посуду с праздничного стола. И у нас остаётся только несколько минут для общения, когда я прихожу его будить утром, после традиционного подметания улицы и приготовления завтрака.

В один из таких моментов и состоялся разговор, который перевернул всё моё представление о нашем будущем.

— Рустам, уже август, думаю, нам пора возвращаться. Тебе

ведь нужно устроиться на работу, – говорю я, подавая мужу рубашку.

– Возвращаться куда? – спрашивает он недоуменно.

– Как куда, в Белгород, конечно!

– Зачем нам туда возвращаться? – всё так же недоумевает

Рустам.

– Чтобы жить, работать, – чувствую, как меня охватывает тихая паника.

– Нам есть, где жить, у меня уже есть работа, мы никуда не едем.

– Как!!! – я сажусь на кровать, так как ноги не держат.

– А с чего ты взяла, что я собираюсь возвращаться в Россию? Я никогда не говорил этого.

– Но я думала...

– Даша, думать должны мужчины. А женщины принимать их решения.

– Но ты не сказал мне о своём решении.

– И что бы это изменило? Ты не вышла бы за меня замуж? Не поехала бы со мной? Убила бы ребёнка? Что? – чувствую, он злится.

– Ничего, – вдруг понимаю я. – Но как же моя учёба?

– Зачем она тебе? У нас женщины не работают, они заботятся о детях и о доме, деньги должны зарабатывать мужчины.

– Но где ты будешь здесь работать? Я знаю, что отсюда люди уезжают, потому что нет работы.

– Вот именно поэтому у меня работа есть. Все едут в Россию на заработки, а языка не знают, у нас последнее время плохо было с преподаванием русского. Я специально получил эту профессию, чтобы преподавать в таджикской школе русский язык, место мне здесь уже гарантировано. Даже больше: вечером я буду вести курсы для взрослых. Так что без работы не останусь. И здесь я буду уважаемым учителем, «маллим», а в России кем? Одним из бюджетников, которому платят копейки, неудачником. Нет. Уволь. И, к тому же, я младший сын, по праву наследования этот дом принадлежит мне. Так что, Дарига, у нас здесь есть и дом и работа, и никуда ехать не нужно.

– А как же я? Я не думала, что в Россию больше не вернусь, у меня даже зимней одежды и обуви нет.

Рустам смеётся:

– Даша, ты забыла, где находишься? Нашла проблему! Тут ни у одной женщины нет зимней одежды и обуви.

– Но почему? Ты говорил, что зимы здесь не суровые, но они есть.

– Наденешь на себя несколько платьев, как делают таджички, вот и вся зимняя одежда, а на ноги надевают тёплые носки из овечьей шерсти. А вообще, женщине некуда ходить зимой, она должна сидеть дома, поэтому ей не нужны тёплые вещи.

Я не знаю, что сказать. Как в известной мужской байке: идеальная жена – босая, беременная и у плиты. Для меня

всё подходит! Но я сама загнала себя в эту ловушку, винить некого. Молчу, прокручивая в голове, что теперь моя жизнь здесь, что я никогда не увижу тётку, что моя мечта сбежать из села и жить в квартире в большом городе теперь никогда не осуществится. Я даже работать не смогу! Я должна буду посвятить всю свою жизнь бесконечному сельскому хозяйству. Даже не замечаю, что по щекам текут слёзы.

– Птичка моя! – Рустам обнимает за плечи, – Всё будет хорошо, ты скоро привыкнешь здесь. Я тебя люблю, слышишь, я очень тебя люблю.

Улыбаюсь, вытираю слёзы. Что это я! Что я раскисла! У меня есть самое важное, что только может быть у женщины – любовь. А скоро будет ребёнок от любимого человека. Ради этого стоит жить и смириться с любыми условиями.

Мне кажется, последнее время я только и живу ожиданием ночи. Во-первых, я могу наконец-то отдохнуть, только ночью я не вижу бесконечной толпы родственников. Только ночью, в объятьях любимого я понимаю, что в моей жизни не всё так плохо и волна усталости, а порой и отчаянья, отступает под его нежными руками, его ласковыми губами. Его слова заставляют забывать об обидах, испытанных днём, о несправедливых упрёках, которые так и сыплются на меня от свекрови. Несмотря на все старания, у меня никак не получается быть примерной невесткой и образцовой женой, «чтобы все соседи завидовали». То мясо у меня сухое, то хлеб непропечённый, то белье недостаточно тщательно постира-

но. Я стараюсь сдерживать себя, не отвечаю на её упреки, но иногда не выдерживаю, пытаюсь защищаться и оправдываться, в ответ получаю презрительную гримасу и пренебрежительное молчание на несколько дней. А так как поговорить здесь мне совсем не с кем, не считая десятилетней Медины, через некоторое время я сама стараюсь наладить отношения и униженно прошу прощения. Свекрови это очень нравится. Медина часто приходит к «биби» – бабушке – в гости, и любит подолгу сидеть рядом со мной, пока я сбиваю масло или чищу овощи, и слушать мои рассказы о России. Я уже рассказала ей всё из своей жизни и теперь просто придумываю истории, чтобы не забыть русский язык, так как со свекровью не столько говорю, сколько слушаю её поучения.

В сентябре муж вышел на работу, и теперь я его практически не вижу. Он очень поздно возвращается после вечерних курсов, так как работает в Хорогской школе, и ездит туда на машине брата. Я стараюсь дождаться его, иначе теряю смысл жизни, и весь следующий день кажется тоскливым и унылым. Но у него не всё ладится на работе, он возвращается уставшим и раздражённым, и порой мне приходится поддерживать его и повторять «всё будет хорошо», в то время как сама отчаянно нуждаюсь в его поддержке и уверениях. Особенно сейчас, когда мой живот вырос и округлился, сделав некрасивой. Рустам уже месяц не прикасается ко мне, говорит, что боится навредить ребёнку. Я стараюсь верить ему, гоню мысли о том, что моя фигура стала ему противна.

Я понимаю, что медицина здесь не на должном уровне. Я понимаю, что свекровь родила четырѐх сыновей, а её невестки родили ей девять внуков, не прибегая к услугам врачей, по крайней мере, мне так сказано. Но это понимание не даёт мне уверенности, что со мной и с ребёнком будет всё в порядке. Два месяца до родов, а меня не осматривал ни один врач. Я очень боюсь, тем более что последнее время постоянно чувствую тянущую боль в спине. Надире говорить бесполезно. Она уже вынесла свой вердикт: рожать будешь, как все, дома, а боли от головы – поменьше думай. Сегодня не думать не получается вовсе: боль охватывает поясницу, скручивает живот. Рожать рано, мне страшно за ребёнка. Сегодня у Рустама выходной, надеюсь убедить его отвезти меня в больницу. Как всегда, днём я его не вижу, даже в выходные. Знаю: он может быть у кого-то из братьев. Натягиваю поверх обычного платья тёплый халат, убираю волосы под косынку. Выход на улицу, где меня могут увидеть соседи, только в определённой одежде – это правило выучено до автоматизма.

Иду в соседний дом. Сдружиться с золовками у меня не получилось, поэтому без свекрови я к ним не ходила. С трудом забираюсь на высокие ступеньки, ближнее крыло дома – владения старшего Нурмата. Нахожу на кухне Абилай и Зухру, пытаюсь объяснить, что ищу мужа, они недоуменно смотрят на меня, потом зовут Медину.

– Они все у амакджон Акмаля, – сообщает девчушка.

Хотя дом один, но двор разделён забором, потому приходится снова выйти на улицу, зайти в соседний двор. Дом большой, ориентируюсь в нём плохо, поэтому иду на звук мужских голосов. Трое братьев и ещё несколько незнакомых мужчин сидят за достарханом на неизменных скрученных одеялах – курпачах, и что-то обсуждают, покуривая кальян.

– Рустам! – пытаюсь привлечь внимание мужа.

Привлекая внимание всех, на меня с любопытством смотрят. Муж с недовольством.

– Дарига! Что ты здесь делаешь?

– Тебя ищу!

– Почему зашла на мужскую половину, почему одна? – его недовольство сменяется яростью, особенно после того, как мужчины что-то комментируют на своём языке.

– А с кем мне быть, если мужа постоянно нет рядом! – возмущаюсь я.

– Немедленно иди домой!

– Без тебя не пойду! Мне плохо, мне нужна медицинская помощь! Ты не забыл, что я беременна!

– При чём здесь я? Спроси у мамы, что тебе делать, она поможет!

– Твоя мама врач? Мне нужно в больницу! Отвези меня!

Я срываюсь на крик, меня трясёт от негодования, на мгновение забываю о боли. Рустам вскакивает из-за стола, быстро идёт ко мне, его сопровождают высказывания друзей, смех. Среди непонятной речи вдруг отчётливо слышу голос Нур-

мата:

– Русские жены любят, когда муж привязан к их юбке.

Рустам стискивает мою руку поверх локтя и пытается вывести из комнаты.

– Прекрати позорить меня! – шипит он.

– Ах, вот что тебе важнее всего! – вырываю руку, с вызовом гляжу в глаза, – То, что жизнь жены и ребёнка подвергается угрозе – неважно! Главное, что о тебе подумают!

– Главное, чтобы о тебе плохо не подумали! – Рустам пытается не повышать голоса, но его злобный шёпот звучит оглушительнее любого крика.

– А мне плевать, что обо мне подумают! Главное, чтобы с ребёнком всё было в порядке! Но если тебе это неважно, сиди, кури, развлекайся! Не буду отвлекать!

Не говоря ни слова, он неожиданно бьёт меня по щеке. Не столько боли, сколько обиды и унижения. Она вспыхивает во мне, я размахиваюсь, чтобы ответить тем же, но он перехватывает мою руку, заводит за спину, и, прижав к себе, тихо говорит на ухо:

– Если ты сейчас же не уйдёшь домой, я потащу тебя за волосы по всей улице. Тогда никто не посмеет сказать, что я подкаблучник.

– Да пошёл ты!

Я вырываю руку, выбегаю из комнаты, хлопнув дверью, быстро иду домой. Влетаю в спальню. Останавливаюсь, в недоумении. Вспышка ярости прошла, боль – нет. Что делать

дальше? Вспоминаю, что из города ехать в посёлок полчаса. Пешком часа три, в моём положении. Хватаю сумку, затапливаю в неё халат, тапочки, полотенце, на входе в спальню сталкиваюсь с Рустамом.

– Куда ты собралась? – слышу виноватые нотки, но мне всё равно.

– Спасать своего ребёнка. Мне нужно в больницу, надеюсь, в городе она есть.

– Ты пойдёшь пешком и без документов? – он ещё может язвить!

– Ты что, мне не отдашь паспорт?

– Нет.

– И не надо! Уйди с дороги!

Хватаю сумку и пытаюсь пройти мимо, он за руку тащит обратно, буквально швыряет на кровать.

– Уймись! Я уже сказал матери, чтобы позвала Фариду. Она тебя осмотрит и поможет, если у тебя действительно что-то болит.

– Ах, так ты ещё и не веришь мне! Думаешь, я симулирую!

В негодовании резко вскакиваю с постели, но тут же меня пронзает такая острая боль, что, скрутившись пополам, со стоном падаю обратно. Рустам подбегает к кровати, наконец-то он верит.

– Даша, что с тобой! Где болит?

– Везде! Мне нужна помощь специалиста, а не какой-то знахарки, пожалуйста, Рустам, это же и твой ребёнок! – молю

я.

Через несколько минут в комнату входит свекровь и какая-то худая пожилая женщина с цепким взглядом и очень холодными руками. Мужа выгоняют. Фарида осматривает меня, мнёт живот, потом что-то тихо говорит Надире. От боли я уже ничего не понимаю, мне хочется забыться, заснуть, но боль даёт мне передышку на несколько минут и начинается снова. Мне дают выпить какой-то чай со странным вкусом, от которого я перестаю чувствовать не только боль, но и вообще что бы то ни было, я проваливаюсь в небытие и, кажется, летаю над своим измученным телом.

Через три дня безрезультатного лечения Фарида, я полностью теряю ощущение реальности, но как только в неё возвращаюсь, возвращается и боль. Нурмат везёт меня на своём джипе в больницу, в Хорог. Я лежу на заднем сиденье, так как сидеть не могу, Рустам удерживает меня, чтобы не слетела на ухабах.

Медицина в Таджикистане оставляет желать лучшего, но благодаря самоотверженности и настойчивости врача Мирзы Турганбалиева, удалось спасти и меня и ребёнка. Он каким-то чудом предотвратил преждевременные роды, и я ещё почти месяц могла его вынашивать. Вынашивать – громко сказано: я лежала, не вставая, прикованная к постели капельницами. Изучила все трещины на обшарпанном потолке бедной больничной палаты. Муж каждый день навещает меня,

ведь школа, где он работает, находится в нескольких метрах от больницы, но я жду его только потому, что он приносит продукты и необходимые лекарства. Питание в этом заведении просто невыносимое, а питаться я должна, ради ребёнка. Не знаю, в какой момент у меня изменилось отношение к Рустаму. Кажется, даже раньше того, как он меня ударил. Во мне будто что-то умерло, то, что согревало меня, дарило надежду, поддерживало мою любовь к нему. А теперь я прислушиваюсь к себе и понимаю: ничего нет. Я смотрю на мужа и ничего не чувствую. Когда-то думала, что умру без его любви, когда-то именно любовь к нему заставляла стоически переносить все трудности и стремиться к тому совершенству, о котором мечтает каждый восточный мужчина, по словам свекрови. Но вопроса о том, как жить дальше, я себе не задаю. Я знаю, как жить, ради чего жить. Мой ребёнок! Ради него стоит жить, бороться. Мысли о ребёнке, мечты о нём занимают всё моё существо. Понимаю, насколько мне безразлично отношение мужа, главное, чтобы моё дитя родилось здоровым. Поэтому волнения и стрессы прочь! Хорошо питаться, дышать свежим воздухом во время коротких прогулок в больничном дворе, и выполнять все предписания врача.

И всё же моя девочка родилась немного раньше положенного срока. Врач сказал: ничего страшного нет, она быстро догонит в весе и в развитии. Было страшно первый раз взять её на руки, такая маленькая, такая хрупкая. Такая красивая.

Ослепительно белая кожа, огромные синие глазки, чёрные курчавые волосики. Она похожа на цветок, нежный, ранимый, прекрасный. Лилия. Лиля – всплыло у меня в голове, как только я задумалась об имени.

– Лейла, – сразу же подобрал похожее имя Рустам.

Хорошо, пусть будет Лейла. Для меня она всё равно Лилия. И она будет знать своё русское имя, будет знать русский язык, побывает в России, такой родной и далёкой сейчас для меня, что щемит сердце при воспоминании. Я всё сделаю, чтобы моя доченька была счастлива!

Мы дома. В Таджикики, как называют местные жители и их любимый президент, зима. Она, конечно, больше походит на нашу позднюю осень. Снега здесь почти никогда не бывает, кроме высокогорных районов, но холодные ветра дуют постоянно. Температура редко опускается ниже нуля, наверное, поэтому в доме не предусмотрено никакого отопления, кроме небольшой печки, на которой можно приготовить еду в особо ненастные дни. Для всех действует основное правило: одеваться теплее. Но как быть с маленьким ребёнком в комнате при температуре не выше плюс пятнадцать? Я заставила принести в спальню электрический обогреватель, хотя он мало помогал, так как электричество здесь часто отключается. И всё же в нашей комнате было теплее, чем во всём доме, поэтому я почти месяц не выношу ребёнка из спальни. Я так боюсь за неё. Она кажется мне такой слабенькой и хрупкой. Всё время спит, мне даже иногда приходится бу-

дить её, чтобы покормить. А когда она просыпается сама и начинает плакать, для меня это звучит как музыка, потому что Лиля такая тихая девочка, что я иногда с замиранием сердца прислушиваюсь к её дыханию и трогаю тёплые щёчки, чтобы понять, что она жива.

Почти месяц нас никто не беспокоит, я занимаюсь дочерью, отдыхаю и практически не выхожу из комнаты, так как боюсь оставить ребёнка одного даже на минуту. Родственники с пониманием относятся к моему желанию отгородить слабого ребёнка от всяких опасностей. Не докучают посещениями, свекровь только развесила и разложила вокруг детской кроватки какие-то травы, острые ножи, горький перец, лук и чеснок – предметы, защищающие, по её мнению, ребёнка от злых духов. А так же строго настрого запретила тушить свет в спальне – это тоже один из обычаев. Муж переселился в другую комнату и только заходит к нам иногда утром или вечером, чтобы узнать, как дела. Мне кажется, он боится подходить к дочери, и не хочет прикасаться ко мне, а его приходы напоминают тяжкую обязанность. Мне не нравится это, пытаюсь наладить хотя бы видимость отношений, говорю, что это и его спальня. Он шутит, что в детской ему не место. А свекровь в тот же день поясняет, что мужчине нужно хорошо выспаться перед работой, а ребёнок будет мешать. Моя тихоня будет мешать?! Но меня особо не волнуют решения мужа и свекрови. Не хочет быть с семьёй – и не нужно. Нам и вдвоём хорошо. Только Медина иногда на-

вещает меня после школы. Она тихонько садится на стульчик возле кровати и смотрит на свою двоюродную сестричку. Эта девочка становится иногда для меня в роли радионяни. Если она в спальне, я могу безбоязненно выйти по своим делам. Как только Лиля беспокоится, Медина тотчас бежит за мной.

Я понимала, что счастливое время, когда обо мне словно забыли и оставили в покое наедине с дочерью, не может длиться вечно. Через месяц состоялся разговор с мужем, в котором он деликатно намекнул, что я и так достаточно отдыхаю, что в доме полно работы, а мама не справляется, что я молодая и сильная, а мама уже стара и быстро устаёт, и я могла бы с ней ненадолго меняться местами. Я работаю по хозяйству, а свекровь смотрит за ребёнком. И ещё: Лейла не моя собственность, и уже пора подпустить к ней и других родственников. Рустам умеет убеждать, если хочет.

После разговора с ним у меня просыпается комплекс вины: получается, я с дочерью являюсь обузой, так как ничего не делаю. Я соглашаюсь оставлять Лилю с Надирой, пока буду убирать, стирать и готовить. В этот же день детская кровать перекочевала в спальню к свекрови, а я, выйдя на кухню, обнаружила столько работы, что смогла увидеть ребёнка только ночью. Но жаловаться некому.

Через неделю выяснилось, что мы не соблюдали несколько обрядов, касающихся появления ребёнка. Свекровь уверена, именно поэтому девочка такая слабенькая, плохо ест и раз-

вивается. И вообще, прошли «чилла» – сорок дней с момента появления ребёнка – теперь следует отпраздновать наречение имени. Иначе все подумают, что с ребёнком что-то не то, и мы его просто прячем. Для меня это значит одно: два дня я не выхожу из кухни, готовя праздничный обед для родственников и соседей, которые соберутся для торжества.

Как проходит само событие, помню плохо, так как не спускаю глаз с малышки, которую держит на руках сначала дед, потом отец, потом её берет очень старый седой старик с трясущейся головой и руками, мулла, и у меня сердце останавливается от страха, что её уронит, пока долго и нудно говорит. Потом о ребёнке забывают, и я наконец-то уношу в спальню, с тревогой всматриваюсь в маленькое личико, трогаю лобик, чтобы убедить себя, что с дочерью всё в порядке.

Через какое-то время следует провести новый обряд – надевание первой рубашки, потом – первое купание, потом прорезался первый зуб «дандонмужак», потом «муйсаргирон» – первая стрижка. И всегда толпа гостей, всегда нудная национальная музыка на народных инструментах, снова тревога и беспокойство, и снова вижу ребёнка только ночью, так днём занята по хозяйству и на кухне.

Обычай «чиллагурезон» означает, мать с ребёнком должна первый раз выйти из дома, чтобы навестить родственников и поблагодарить тех, кто до этого приходил поучаствовать в соблюдении традиций, приносил для Лейлы подарки. Это означало, что обеды на несколько десятков человек мне

готовить не придётся. Наоборот, меня будут ждать за праздничным столом. Но от этого обычай для меня не становится лёгким. Я должна с ребёнком на руках сидеть определённое время в чужом доме, с улыбкой кивать головой, особо не понимая, о чём идёт речь, с тревогой следить, чтобы те, кто захотел поддержать мою девочку на руках, не причинили ей вреда.

И всё-таки я проглядела свою дочь. Только себя виню в том, что не отстояла покой в детской, что из-за слабости характера не послала всех к чёрту с их обычаями и традициями, что делала «как надо». А надо было всего лишь помнить наставления врача в том, что у Лили ослабленный иммунитет и она требует особой защиты и особого внимания. А я не защитила её.

Как-то вечером, забрав спящую дочку от свекрови, я просто поставила её колыбельку рядом со своей кроватью, легла на постель и моментально провалилась в сон. Да, я очень устала за день, но как я могла не поцеловать её, не коснуться её лобика. Я же всегда это делала! Только глубокой ночью меня что-то разбудило. Видимо, во сне усталость прошла, и тогда нахлынуло беспокойство. Подскакиваю в кровати, и, ещё не подходя к колыбели, по дыханию понимаю: что-то не так. Моя девочка горит, глазки закрыты, ротик приоткрыт, щёчки пылают, дыхание с трудом вырывается из лёгких.

Хватаю ребёнка на руки, ручки и ножки безвольно висят. Меня охватывает такая дикая паника, что хочется выть. Бе-

ру себя в руки, понимаю: от меня сейчас зависит жизнь моего ребёнка. Укладываю Лилю в колыбель, бегу в спальню к мужу, обнаруживаю, что она пуста. Врываюсь к родителям, ору: где Рустам, Лиля больна! Свекровь пытается объяснить, что я не должна так врываться. Я трясущей её за плечи и кричу о том, что ребёнок в опасности. Как только добиваюсь, что Рустам остался ночевать в городе, понимаю: больше она мне ничем помочь не сможет. Бегу в дом к братьям. На половину Нурмата достучаться не смогла, а вот жена Акмала открыла почти сразу.

– Где Акмал?

Объяснять ей что-либо не имеет смысла, мы так и не научились общаться, но надеюсь, хотя бы имя мужа она поняла. Понять-то она поняла, но помочь мне ничем не собирается, стоит и удивлённо хлопает глазами. Отталкиваю её, бегу в дом, нарушая все запреты и приличия, кричу «Акмал!», знаю, что перебуду детей, но сейчас это мелочь.

Брат Рустама спускается со второго этажа, на ходу завязывая халат. Подлетаю к нему, задыхаясь, пытаюсь объяснить:

– Лейла заболела, горит вся, нужна машина, нужно в больницу, Рустама нет дома!!!

Акмал молча идёт вперёд, я бегу следом. Во дворе вижу Нурмата, видимо, мой крик переполошил и соседний дом.

– Я завожу машину. Иди, собирай ребёнка, – лаконично отдаёт приказы Нурмат.

Бегу домой, в спальне свекровь и Фарида – местная зна-

харка, лечившая меня перед родами. Они склонились над детской кроваткой. Яростно отталкиваю их, свекровь пытается загородить собой мою девочку, хватает меня за руки, но удержать не может. Беру дочку, прижимаю к себе.

– Дарига, она уже не дышит, – говорит Надира, глядя мне в глаза.

– Мы сейчас поедem в больницу, помогите собрать вещи, Нурмат отвезёт нас, там спасут её! – торопливо говорю я, укутывая Лилу в одеяло.

– Дарига! Она умерла! – повторяет свекровь.

Смотрю на неё, как на полоумную, крепко прижимаю дочку к себе. Что она такое говорит? Как такое может быть? В комнате оглушительная тишина. Все смотрят на меня. Появляется Нурмат, он разжимает мои оцепеневшие руки, кладёт ребёнка на кровать, разворачивает одеяло. Я смотрю на свою красавицу, она спит, она всегда так тихо спит!

– Даша, поздно, Лейла умерла, – врывается в моё сознание голос Нурмата и почему-то только он доносит до меня правду.

Я слышу крик, звериный дикий крик, и не сразу понимаю, что это кричу я сама. Я кидаюсь к дочери, мне кажется: если прижму её к себе покрепче, она проснётся.

Нурмат держит меня за плечи, я отбиваюсь, вырываюсь, ору. Он крепко стискивает меня, прижимая руки к телу, замечаю в руках Фариды шприц. Она что-то колет мне... Всё... Больше ничего... Темнота и безысходность.

Похороны я плохо помню, но уверена: соблюдены все положенные обряды. Мне кажется, я нахожусь всё время в каком-то небытие. И вырываюсь из него, только чтобы вновь ощутить чудовищную боль от потери. К этой боли всё время примешивается чувство глубокого одиночества и пустоты. И как будто со стороны наблюдаю за большой семьёй, которую сплотило общее горе, а мне в этой семье нет места. Я всё время стою одна, в стороне, и наблюдаю, как мой муж обнимает свою мать, родственники выражают сочувствие отцу, бабушке и деду. Сочувствие в том, что жена и невестка не смогла родить крепкого здорового ребёнка.

Я не знаю, как жить дальше. Ради чего жить. Нахожусь в вакууме, пустоте, одиночестве. Загружаю себя ставшей теперь уже привычной работой. Механически мету двор, готовлю еду, пеку хлеб, убираю и стираю, работаю в саду и огороде. Чем больше устаю, тем лучше. Но никакая усталость не помогает прогнать боль из сердца, заполнить пустоту в душе.

Через месяц начинаю потихоньку вытаскивать себя из депрессии, апатии и меланхолии. Заставляю себя жить, хотя хочется лечь и уметь. Оглядываюсь вокруг, посматриваю на себя и ничего не узнаю. Я не узнаю себя в этой бледной худой девушке с ввалившимися глазами и длинными неопрятными волосами. За всё время здесь я ни разу не стриглась: нельзя. Я не узнаю своего мужа. Понимаю, что боль и обида закрыли его от меня. Я последнее время с ним почти не разгова-

риваю, да что там, я его практически не вижу, и если до сих пор мне это было безразлично, то теперь жизнь требует своё. Потому что жизнь продолжается, хочешь ты этого или нет.

И очень ярко об этом напоминает природа. В Таджикистане наступило лето. Я замечаю яркую зелень вокруг, ещё не выжженную палящим солнцем. Обилие цветов, особенно красивы здесь тюльпаны невероятных расцветок. Они растут здесь не так, как у нас, в палисадниках, здесь и палисадников-то нет. Это дикие цветы, и распускаются они, кажется, в любом доступном месте – возле дороги, ведущей на реку, на лугу, даже среди камней можно встретить яркий цветок. Как-то Медина зовёт меня пойти в центр аула, где будет проходить традиционный праздник тюльпанов – Сайри лола. Этот праздник знаменует первый урожай, который уже успели собрать на своих огородах.

На широкой площади раскинулась ярмарка, установлен помост, где будут проходить соревнования в таджикской национальной борьбе – гуштингири. Смотреть, как двое мужчин мутузят друг друга, мне не хочется. Я обращаю внимание на весёлых нарядных таджичек, у некоторых в руках букеты тюльпанов. Одна девушка, хохоча, подбегает ко мне и протягивает свой букет. Я беру цветы в руки и тут вспоминаю, как Рустам преподнёс мне в день свадьбы тюльпаны. Понимаю, что мы совсем забыли о годовщине нашего брака. Мне очень хочется поговорить с ним, попробовать исправить отношения. Мы ведь любили друг друга, может у

нас всё может наладиться. Но Рустам избегает меня, словно боится. Он ведёт себя замкнуто, коротко отвечает на вопросы и старается быстрее отвернуться или отойти от меня. В конце лета он исчезает почти на месяц, свекровь поясняет, что его отправили на курсы в Душанбе. Я жду его возвращения, надеюсь, что он скучает без меня, а когда вернётся, мы попробуем всё начать сначала. И вот Рустам дома, но я никак не нахожу возможности с ним поговорить, он уже не занимает отдельную спальню, но вечерами задерживается в другой комнате, которую оборудовал под кабинет. Он может остаться спать там, на широкой кушетке, может вообще не появиться вечером, и я даже не знаю, где он провёл ночь.

В этот вечер он дома, а я решительно настроена поговорить. Приготовилась к встрече с мужем, привела в порядок волосы и лицо, найдя в своей сумке привезённую ещё из России косметику, надела красивое платье. После ужина, когда Рустам ушёл в свой кабинет, я вошла к нему.

– Даша???

– Ты удивлён, увидев собственную жену?

– Я не звал тебя.

Он сидит за письменным столом. Подхожу к нему вплотную, кладу руки на плечи.

– Последнее время нам довелось пережить много трудностей. Рустам, что, если мы попробуем начать все сначала? Давай уедем в город, снимем квартиру, где будем жить сами, своей семьёй. Мы сможем ещё родить ребёнка, если хочешь,

только позже.

Он резко встаёт, отходит от меня:

– Я думал поговорить с тобой на эту тему, позже. Но раз ты завела сама разговор, скажу сейчас. Во-первых, ни на какую квартиру мы не поедём. Во-вторых, я решил взять ещё одну жену. Она таджичка, сильная и крепкая. Она родит мне ребёнка. Тебя я не оставлю, ты не думай...

– Что? Что ты сказал! – не задумываюсь даже, что совершаю непростительную ошибку: перебиваю мужчину, но мне не до церемоний, – Ты хочешь взять вторую жену? Ты сошёл с ума! Как ты себе это представляешь? Ты думаешь, я потерплю это? Да, я терпела насмешки твоей матери, терпела безразличие отца и других родственников, я пыталась научиться вести это ваше домашнее хозяйство, старалась понять эти ваши обычаи. Но всё это я делала ради нашей любви. Неужели ты думаешь, что я спокойно буду терпеть всё, зная, что никакой любви нет, что тебе нужна другая!

– И что ты сделаешь? – с тревогой спрашивает Рустам.

– Я уйду от тебя! – ору в ответ.

– Куда? Без документов, в чужой стране, куда ты уйдёшь? – он усмехается. Меня это бесит:

– Так значит, я тут заложница! Значит, так: о спокойной жизни со своей новой женой и не мечтай! Я убью её, я покалечу тебя! Я ничего не буду делать по дому, если ты отводишь мне роль служанки и домработницы. Безропотной рабыни вы не получите! Ты не забыл, что я не кроткая таджич-

ка, я русская!

– Прекрати истерику! За крышу над головой и кусок хлеба ты будешь делать всё, что нужно!

– И не подумаю! Я лучше убью себя на глазах у ваших любопытных соседей. Вот и будет повод у аула позлорадствовать над высокомерными Шагиевыми! Так что решай: либо ты мне оформляешь развод, отдаёшь документы и отправляешь в Россию, либо...

Я выбегаю из комнаты.

Чувствую себя так, словно меня предали. Да, собственно, так оно и есть. Во мне смешались гнев, отчаянье, ненависть, горечь. В ушах звучат его слова: «Я беру вторую жену». Как, как такое вообще возможно? Какая женщина сможет это стерпеть? Боже, куда я попала! Что мне делать? Я в чужой стране и все права на меня у мужа, которого теперь ненавижу.

Бессонная ночь вперемишку со слезами и кошмарными сновидениями не помешала проснуться по привычке в пять утра. Действия, доведённые до автоматизма. Умыться, замешать тесто, растопить печь. Пока она прогревается, беру метлу. Неделью назад свекровь сказала, что я уже могу этого не делать. Удивилась. Теперь понимаю: скоро мести двор и улицу придётся новой невестке. Но монотонные движения успокаивают, отвлекают от мрачных мыслей.

Двор чист, выхожу на улицу. Я должна мести до границы

с двором Акмаля, а дальше будет убирать его жена, но мне не хочется возвращаться в дом. На улице тихо и безлюдно, а на кухне сейчас столкнусь с Надирой. Никого не хочу видеть. Поэтому подметаю дальше. Не замечаю, как добираюсь даже до калитки Нурмата. Нужно остановиться, иначе обвинят, что снова нарушила традицию: вторглась на чужую территорию. Внезапно слышу разговор двух мужчин по-русски. Они во дворе Нурмата. Хочу развернуться и уйти, но произносится имя «Рустам», и я замираю, прислушиваясь.

– Почему вы даёте неверные сведения? Я всё выяснил: ниточка замыкается на тебе, – незнакомый мужской голос, властный, разгневанный.

– Пойми, брат, Рустам приехал, жену привёз, дом ему нужен, работа нужна... – оправдывается Нурмат, его голос я узнаю.

– Не прикрывайся Рустамом! Вы что, мало зарабатываете? Ваши личные каналы никто не перекрывал! Вы здесь у себя занимайтесь наркотой и оружием, как хотите – это ваш бизнес, но всё, что выходит отсюда – это уже не ваше! Это наша забота и наша проблема! Или ты хочешь, чтобы узнали, на какие деньги вы тут все живёте? А может, стоит намекнуть, кому надо, кто их сливает, да поискать новых сотрудников?

– Нет! Нет! Что ты, брат! Смерти моей хочешь?

– Тогда прекрати дурить! Работаем, как и всегда, иначе ни о каких деньгах и речи быть не может. Я перекрою все твои каналы и быстро найду, с кем ещё сотрудничать и кому

платить.

– Клянусь, последний раз! Шайтан попутал, заработать хотел.

– Так ты только на гроб себе заработаешь! И семью подставишь.

Голоса смолкают, мужчины идут в дом, а я бегу к себе во двор. Мысли в голове наползают одна на другую. Мне многое понятно, и в тоже время страшно. Понятно теперь, каким бизнесом занимаются братья, откуда отличное от всех остальных благосостояние, понятно, как можно зарабатывать, практически ничем не занимаясь, и страшно, потому что понимаю: люди, занимающиеся таким бизнесом, ни перед чем не остановятся.

Надира вовсю хлопочет возле плиты. Видимо, мы сегодня снова ждём гостей или какой-то праздник, но мне об этом не сообщается. Свекровь со мной последнее время вообще старается не разговаривать, только осуждающе посматривает. Я уверена: последний мой разговор с мужем ей уже известен.

Обед практически готов, слышу шум подъехавшей машины возле ворот, надеюсь, пораньше вернулся Рустам. Хочу с ним снова поговорить, попробовать убедить. Но во двор входит незнакомый мужчина.

– Здравствуйте этом дому! – громко говорит он по-русски, и я понимаю, что это тот мужчина, который разговаривал утром с Нурматом.

С любопытством его рассматриваю. Образ соответствует

занятиям. Он в куртке и брюках камуфляжной расцветки – серо-зелёной. Невысокий, подтянутый, широкие плечи. Чёрные коротко подстриженные волосы, трёхдневная, а может и недельная щетина, тёмный мрачный взгляд из-под чёрных бровей. Свекровь толкает меня в сторону дома, почти шипит, чтобы я быстро скрылась с глаз, бежит к этому мужчине.

Я не спешу удаляться, с любопытством наблюдаю, как она бросается ему на шею, как он нежно обнимает её... как его куртка на мгновение распахивается, и я вижу рукоятку пистолета, торчащую из кобуры у него на боку. Бегу в свою комнату. Я ничего не видела!

В доме незнакомый мужчина, значит, я не должна выходить без особого приглашения. Не очень и хочется. Сажу в своей спальне, мучаюсь от безделья, что для меня непривычно, и от беспокойства – это уже вошло в норму. Жду вечера, когда вернётся с работы Рустам, подбираю аргументы для разговора. Хотя, он может вообще не приехать, и теперь мне ясно, по какой причине. С удивлением осознаю, что совсем не испытываю ревности. Обида, беспокойство за свою судьбу, разочарование, боль, но не ревность. Наверное, я просто его не люблю. В дверь кто-то тихо скребётся. Открываю, Медина с тарелкой.

- Бибиджон сказала, чтобы ты обедала тут и не выходила.
- Спасибо, девочка моя. А ты не знаешь, кто приехал сейчас к бабушке?
- Знаю. Это амакджон (дядя) Дан.

Какое странное имя, на кличку похоже или на имя итальянского мафиози – Дон Карлос, Дон Педро. Впрочем, у них у всех тут имена для меня странные.

– А часто этот дядя приезжает? – спрашиваю у девочки.

– Нет. Я его один раз только видела. Он страшный. Он дарит подарки мне, братикам, маме, и ничего не говорит. Он говорит только с папой, и как ты, по-русски. Мне нравится говорить по-русски, и я хотела с ним тоже поговорить, но он так посмотрел на меня, что мне стало страшно. И я больше с ним не разговаривала, – объясняет словоохотливая девочка.

Я её понимаю: мне, взрослой женщине, стало страшно, когда просто услышала, как он разговаривает с Нурматом, которому никто здесь слова поперёк не посмеет сказать, а тот его отчитывал, как мальчишку. Да и выглядит этот дядя, как браток из девяностых.

Вечером снова открывается дверь, я надеюсь, что это Рустам, но нет. Входит свекровь. Надира устало проходит в спальню, на лице озабоченность. Находит стул, ставит его напротив кровати, садится. Губы сурово поджаты, в глазах задумчивость. Я сажусь на краешек кровати напротив неё. Видимо, будет разговор.

– Дария, ты знаешь, что я хочу тебе только добра, – начинает свекровь, и я понимаю, что разговор будет не из лёгких. Она никогда не называла меня моим русским именем. Молчу, жду продолжения. – Ты знаешь, что Рустам хочет взять вторую жену. Я отговариваю его от этого.

– Спасибо, – тороплюсь поблагодарить.

– Я всегда знала, что ты не подходишь Рустаму, я говорила, что ему не такая жена нужна. Ты слабая, а в этой стране могут выжить только сильные. Поэтому я сказала Рустаму дать тебе развод, и он сделает это. Так будет лучше.

– Я тоже считаю...

– Не перебивай, я не всё сказала. Ты так и не научилась уважению и почтению. Ты так и не поняла эту страну, – с горечью говорит свекровь, – Так вот, по нашим традициям даже если муж даёт развод жене, а это у нас бывает очень редко, он отвечает за неё и заботится о ней, пока она не устроится или не выйдет замуж. То есть мы не можем тебя просто так отпустить из дома, этого не поймут и нас осудят. Наша семья почитаемая, и терять уважение нельзя. И я решила выдать тебя замуж за старшего сына. Он позаботится о тебе. Так будет лучше.

Свекровь замолчала, видимо, сказано всё. Поднялась, чтобы уходить. А у меня от возмущения и негодования так перехватило дыхание, что сразу и слова не могу вымолвить.

– Как это, выдать замуж? – догоняю Надиру возле двери, не даю выйти, пока не объяснит весь этот бред, – Я, что вещь какая-то, чтобы за меня решать! По какому праву! А вы у меня спросили!

Свекровь тяжело вздыхает:

– Деточка, когда же ты поймёшь, что женщина в этой стране никто, и ничего не решает.

– Так значит, Нурмат решил: раз я не нужна Рустаму, он возьмёт меня второй женой? А с чего вы взяли, что я соглашусь? Да и зачем я ему?

Хотя я знаю зачем: давно заметила похотливые взгляды, которые бросает на меня этот жирный боров. И жена, способная родить ему здоровых детей, уже не нужна: Абигайль троих родила.

– Я не выйду замуж за Нурмата! – кричу Надире.

Она удивлённо на меня смотрит, потом объясняет:

– А с чего ты взяла, что я хочу выдать тебя за Нурмата? Я сказала: за старшего сына. И его ты не знаешь. Но он уважаемый человек, занимается серьёзным делом, и он увезёт тебя отсюда.

– Постойте, вы хотите сказать, что у вас ещё есть сын?!... Это тот человек, который приехал сегодня?

– Да, он приехал сегодня. И он оказывает великую честь, что согласился взять тебя. Ты должна быть благодарна.

– А вам он оказывает услугу, помогая избавиться от меня, – с сарказмом говорю я.

– Мои сыновья всегда меня понимали, и ни один, хвала Аллаху, не мог отказать в просьбе и помощи. И старший такой. У него мало времени. Поэтому уже сегодня вечером руйбинон (смотрины новобрачной), а через два дня свадьба. По нашим законам, ты уедешь отсюда его женой. Не дури, и приведи себя в порядок, – добавляет свекровь и выходит из комнаты.

Да, мне хорошо известно отношение сыновей к Надире, особенно Рустама. В конце концов, он сделал так, как захотела его мать, когда поняла, что такая жена как я, ему не подходит. Но с чего она взяла, что я стану хорошей женой её старшему сыну? Я вспоминаю подслушанный утром разговор, и понимаю, что женой его я буду до тех пор, пока меня не увезут из аула. Все будут знать, что я вышла замуж и уехала. А вот куда, никому не интересно. Старший сын бывает здесь редко, он может снова приехать через год и сказать, что я умерла от долгой болезни. Куда он меня повезёт, я догадываюсь. Я ему не нужна, а маму избавить от досадной невестки нужно. Поэтому моя дорога будет недолгой: человек, занимающийся оружием и наркотиками, не задумается, как от меня избавиться.

Когда умерла Лиля, мне тоже хотелось умереть. А сейчас, когда передо мной открывается такая возможность смерти, даже грешить самоубийством не нужно. А я понимаю, что не хочу. Мне только двадцать два. Может, у меня ещё будет что-то хорошее в жизни. Почему я должна умирать именно сейчас?

Меня охватил настолько липкий и животный ужас, насколько это вообще возможно. Чувствую, что погружаюсь в худший из своих кошмаров. Бежать отсюда! Я подбегаю к двери, тотчас она открывается, и входят мои золовки.

Они нарядные, весело щебечут, смеются, усаживают ме-

ня перед зеркалом, Зухра достаёт из сундука моё шёлковое платье, ажурный платок, раскладывает всё на кровати. Я в недоумении, потом понимаю: они пришли одевать меня, как уже было перед свадьбой.

Вскакиваю со стула, ору, гоню их прочь, хватаю платье, швыряю в Абигайль, шкатулка с золотыми украшениями летит в Зухру, а Султон предусмотрительно выбегает из комнаты. Тут же появляется свекровь, что-то говорит невесткам, те хватают меня за руки.

– Успокойся и выпей вот это! – Надира протягивает мне чашку с чаем, напиток хорошо знаком мне.

– Не буду пить вашу дрянь! Меня скоро от наркотической зависимости лечить придётся! Хватит меня этим пичкать! – ору в лицо свекрови. Она шлёпает меня по щекам. Меня начинает трясти, слёзы катятся из глаз.

– Пей, иначе не выдержишь церемонию. Это успокоит, – миролюбиво говорит она.

Я молча пью жидкость. Знаю, после неё буду чувствовать апатию и полное безразличие. А может, оно и к лучшему. Лучше ничего не чувствовать, чем чувствовать себя овечкой на заклании.

Меня ведут в ярко освещённую мехмонхону – комнату для приёма гостей. Людей не так много, только родственники и ближайшие соседи. Надеются, свидетелей будет достаточно, чтобы подтвердить, что с младшей невесткой обошлись порядочно, с соблюдением всех традиций. «Чудес-

ный» напиток свекрови начал действовать. Я понимаю: где-то глубоко внутри хочу плакать, смеяться и говорить одновременно, но моё тело охвачено такой вялостью и безучастием, что могу только равнодушно наблюдать, словно со стороны, за этим театром, который хорошо знаком. Звуки доиры, рубаб, сурнай и других национальных инструментов, названия которых не укладываются в голове, отдельные столы, угощения, длинные речи уважаемых людей. Я сижу в окружении золовок, которые строго следят, чтобы ничего не натворила. Напрасно боятся: даже если бы хотела, не смогла. Я едва не отключаюсь, поэтому традиционное положение скромной таджикской девушки – глаза в пол – у меня получается безо всяких усилий. Поднимаю их только один раз, когда меня подводят к «жениху», для подношения подарка, который я должна была, по традиции, сделать своими руками. И который свекровь всунула мне в руки за минуту до того, как я оказалась перед своим суженым.

Смотрю на своего будущего мужа. Могу бесстрастно оценивать, потому что все чувства ушли – страх, ненависть, злость. Осталось равнодушие. Он одет в традиционный таджикский халат, завязанный на поясе платком. Замечаю: такой же платок, только искусно вышитый, я протягиваю ему. Мне кажется, кроме национальной одежды в нём нет ничего азиатского, и он совсем не похож ни на одного из своих братьев. Все Шагиевы между собой чем-то схожи, а этот... даже не знаю, как объяснить. Просто другой. Темные глубо-

ко посаженные глаза под густыми бровями на широком лбу. В уголках глаз тонкие морщинки. Твёрдая прямая линия рта. Квадратный подбородок, теперь он чисто выбрит. Чётко очерченные скулы. Слегка искривлённый нос. Не очень красивое лицо, но очень сильное. Коротко подстриженные чёрные волосы на висках подёрнуты сединой. В его расслабленной позе и в глазах вижу усталость и отстранённость от всего происходящего. Только когда наши взгляды встречаются, в них проскальзывает искра заинтересованности, всего лишь на миг, а потом снова полное равнодушие и какое-то пренебрежение. Понятно: он так же рад этому мероприятию, как и я. И, если он не полный маньяк, на что я очень надеюсь, вряд ли ему доставит удовольствие избавиться от девушки, даже по настойчивой просьбе любимой мамочки.

На следующий день, ближе к обеду, вынырываю из чёрного сна, без сновидений и кошмаров, просто полное отключение. Вот это да! Даже год тренировок подъёма в пять утра не помог. Видимо, свекровь переборщила с дозой. Действие «чая» прошло, теперь я в полной мере ощущаю все те чувства, которые заглушались вчера. Страх, отчаянье, безысходность наползают с удвоенной силой, смешиваясь с дикой головной болью.

Вскакиваю с постели, быстро одеваюсь, бегу к двери и... с удивлением осознаю, что она заперта. Значит, всё очень серьёзно. Эта перекосившаяся дверь даже закрывалась с трудом, а теперь, пока я спала, её подогнали так, что она плотно

закрыта и не собирается открываться. Зачем? Боятся, что я сбегу, или в доме происходит что-то лишнее для моих глаз и ушей? Оглядываюсь по сторонам. Замечаю на туалетном столике поднос с едой. Значит, голодом меня морить не собираются. Естественно: через два дня я должна казаться цветущей и счастливой на своей свадьбе. Утоляю голод, к напитку не притрагиваюсь – достаточно с меня транквилизаторов – дальше хочу осознавать, что со мной происходит. Очень хочется пить, борюсь с жаждой с помощью фруктов, которые тоже нашлись на подносе. Понимаю: меня не скоро освободят, так как в углу комнаты замечаю ведро, а еды на столе столько, что должно хватить на несколько дней.

Целый день бездействия и неизвестности не помогает успокоиться, напротив, накручиваю себя предположениями и предчувствиями. А также пониманием того, что я бессильна что-либо изменить и на кого-либо повлиять. Кричать, чтобы меня отсюда выпустили, бесполезно. Кому это нужно, да и вряд ли меня услышат. Этот дом построен очень странно: такое впечатление, что к основному зданию со всех сторон постоянно пристраивались комнаты по мере необходимости. Эти комнаты соединены коридорчиками, и порой являются как бы отдельным строением. Как моя темница. Раньше это была спальня родителей, обособившихся хотя бы на ночь от четырёх (или пяти?) сыновей. Поэтому мне ничего не остаётся делать, как рыдать, уткнувшись в подушку, а когда поток слёз иссякает, изводить себя кошмарными мыслями о

своём будущем.

На следующий день слышу, как открывается дверь. Входит свекровь, за ней маячит фигура Нурмата. Боятся, что наброшусь на неё или сбегу, протиснувшись в щель?

Усаживаюсь на постели. Представляю, какой у меня вид, но мне всё равно. Надира подаёт мне нарядное платье, смотрит на нетронутый кувшин с шербетом.

– Зря ты не пьёшь, тебе будет легче, – говорит она.

– Нет, хватит. Я не хочу ничего принимать. Я плохо себя чувствую от ваших успокаивающих напитков.

– Но, надеюсь, ты понимаешь, что если будешь себя плохо вести, тебе это введут насильно. Я не хочу, чтобы ты позорила нас и позорилась сама.

– Я буду вести себя, как надо, у меня нет выбора. Только я не могу понять, зачем вам это нужно? Зачем вы это делаете? Почему не можете просто отпустить меня. Отдайте документы, и я тихо уйду, никто и не заметит.

– И куда ты пойдёшь? Сколько тебе объяснять, что женщина в этой стране одна не может ступить и шагу.

– А куда я могу ступить с этим страшным человеком, которого вы называете своим сыном? До первого ущелья, куда он меня сбросит? Или до первого борделя, куда меня можно продать? – ору я ей в лицо.

Надира вспыхивает, замахивается на меня, но внезапно опускает руку, произносит зло и с нажимом:

– Глупая женщина. Как ты можешь такое говорить! Он

мой сын! Рустам так и не смог воспитать в тебе уважения, его самого воспитывать нужно. Надеюсь, хоть старший во-
бьёт это тебе в твою безмозглую голову! Приведи себя в по-
рядок! Я не хочу, чтобы соседи увидели растрёпанную неря-
ху вместо невесты, а жених презрительно отворачивался!

Она кидает на кровать платье, собирается выходить. Всё
кончено! Мне хочется вопить, кричать от боли и безысход-
ности. Но я понимаю, что любая подобная выходка приведёт
к тому, что в меня введут очередную дозу, и я снова буду
похожа на замороженную куклу. Последний шанс – воззвать
к жалости этой женщины.

– Оча, подожди! – бегу за ней, догоняю возле двери, падаю
на колени, обнимаю её ноги, – Пожалуйста, пожалуйста, ты
же тоже женщина, ради всего святого, вспомни Лейлу, ради
её памяти, не поступай так со мной! Но в тебе же есть хоть
капля жалости ко мне, пожалуйста, отпусти меня!

Она отталкивает меня ногой, падаю на пол, слёзы душат,
утыкаюсь лицом в ковёр, плачу навзрыд. Внезапно чувствую
руку на своей голове, приподнимаю лицо. Надира сидит пе-
редо мной на корточках и гладит по волосам. Я думала, она
уже ушла.

– Успокойся, сядь на кровать, послушай меня.

Я встаю с пола, послушно сажусь на постель, свекровь
присаживается рядом, чуть в стороне.

– Как ты не поймёшь: я делаю все, чтобы для тебя было
лучше. Ты хочешь вернуться в Россию – мой сын увезёт тебя

туда. Тебе здесь не место, поверь, я это очень хорошо знаю. Я ведь сама русская. И когда-то меня звали Надя, Надежда. Так же, как и ты, я встретила красивого парня, влюбилась, уехала с ним в Таджикистан, даже о маленьком годовалом сыне забыла. Оставила его с матерью, сказала, заберу, как смогу, и уехала. Сразу попала в руки к строгой свекрови. Признаться в том, что у меня в России остался ребёнок от другого мужчины – нельзя. Так и жила: любила, рожала, терпела, работала. Когда свекровь умерла, и я ощутила себя хозяйкой, у меня на руках уже было четверо сыновей, куда от них уедешь, на кого оставишь, даже ненадолго. Писала в Россию. Пришёл ответ, что мать моя давно умерла, а ребёнок пяти лет отроду отдан в детский дом. Думала, потеряла сына навсегда, не простит он такую мать. Вытравила из души и память о нём, чтобы не мучиться. А он вырос и сам нашёл меня. Простил. Помогает семье. Рустама выучил. Так что не бойся его, он хороший человек. И тебе с ним будет лучше. Только слушайся во всём, не перечь, мужчины любят покорных и скромных, – тихо говорит она.

Сказать, что я в шоке – это ничего не сказать. Это слишком нереально, чтобы быть вымыслом, сочинённым специально для меня.

– Но если он русский, как он может жениться на мне по вашим средневековым законам? Я ничего не понимаю!

– А тебе и не нужно ничего понимать! Понимать должны мужчины! – вернулась вновь моя привычная свекровь.

– Что он со мной сделает?

– Не знаю! То, что посчитает нужным! Собери сумку, завтра рано утром вы уезжаете. Сейчас придут Абигаиль и Султон, они помогут тебе искупаться и одеться. И давай без глупостей и истерик, и без того проблем достаточно, ещё и за тобой ухаживать!

Хотя я была, как говорят, в здравом уме и трезвой памяти, свадьба запомнилась плохо. От сдерживаемых эмоций на лице застыла маска, а во всём теле разливалась непонятная агрессия, желание кричать, что-нибудь разбить, а скорее – кому-нибудь что-то набить, желательно бывшему мужу, который предусмотрительно на свадьбе не присутствовал. Меня нервно трясло, я пыталась держаться, выходило плохо. Всё время прокручивала в голове рассказ свекрови. Он не очень меня успокоил, напротив. Я в руках женщины, бросившей в своё время собственного ребёнка. И теперь меня передают на руки этому самому сыну, который каким-то образом выбился в люди после детского дома и даже имеет возможность помогать предавшей его матери и её семье.

Всё это не укладывается в голове. Искоса посматриваю на сидящего рядом мужчину. Вижу его натянутую улыбку, обращённую к гостям, непроницаемое выражение лица, а в глазах такая мгла, что в дрожь бросает. Свадьба отличается от нашей с Рустамом. Это скорее можно назвать праздничный вечер для своих. Несколько часов напряжённого присутствия, вежливые поклоны и улыбки в ответ на поздравле-

ния и подарки, традиционное выступление муллы, какие-то непонятные обряды, и вот нас сопровождают к моей спальне. Возле двери новый муж вдруг говорит:

– Завтра выезжаем в пять утра, не проспай.

И, развернувшись, быстро уходит. Стою в недоумении. А право первой ночи? Что, на этом средневековье заканчивается? Даже обидно. Мой внешний вид не соблазнил? Я, конечно, не собиралась покорно отдаваться, но мог хотя бы попытаться! Теперь всё ясно окончательно: жена ему не нужна! Захожу в комнату. Моя сумка из России собрана ещё вчера. Собственно, она и не разбиралась. Многие вещи, которые привезла, мне так и негодились. Добавляю в неё маленькое платьице и пинетки Лили. Это единственное, что напоминает о ней, остальные вещи свекровь забрала. Да ещё фотография: доченьке три месяца, после обряда наречения её можно было фотографировать, и это единственное её фото.

Раздумываю над шкатулкой с украшениями. У меня их теперь много. Имею ли я право забрать их? Может, мне они пригодятся, чтобы откупиться. Ставлю шкатулку рядом с сумкой.

Просыпаюсь от прикосновения. Надира.

– Пора, – коротко бросает она, и стоит, не уходит.

Приходится одеваться при ней. Джинсы, которые я приготовила в дорогу (больше года их не носила) она строго отmelda. Подаёт таджикское платье и платок. А как я хотела? Я должна уехать отсюда примерной таджичкой!

Надира сама поднимает мою сумку, замечает шкатулку, удивлённо смотрит на меня, берет в другую руку шкатулку. Идёт к выходу. Следую за ней.

Раннее утро. Сейчас начало октября, но, кажется, лето ещё не закончилось, и в воздухе даже в это время чувствуется духота. Но не для меня. На мне длинное шёлковое платье с коротким рукавом, шаровары, прикрывающие щиколотки, тапочки, косынка на голове. А меня трясёт, словно замёрзла до кости.

На улице у ворот стоит чёрный джип. Тут редко можно увидеть такие машины. Предел мечтаний и крутизны – внедорожник Нурмата. Кто-то может позавидовать, на какой машине поеду. Кто-то, только не я. Возле ворот стоят трое братьев и мой новый муж. Свекровь подаёт ему мою шкатулку с украшениями, что-то тихо говорит. А я-то думала, это мне принадлежит! Теперь это принадлежит ему, впрочем, как и я. Потом отдаёт мою сумку. Тот каким-то брезгливым жестом швыряет все мои вещи на заднее сиденье. Отыскивает глазами меня. Я стою, прижавшись к забору, обхватив себя руками, только что зубы не стучат. Ловлю на себе его проницательный взгляд, наши глаза встречаются, мне кажется, я замечаю улыбку, не на лице, нет, улыбку в глазах.

Внезапно мой мозг пронзает чёткая фраза «всё будет хорошо», словно сам Бог прошептал мне на ухо. Муж выжидающе смотрит на меня, придерживая открытой дверь машины. Свекровь подталкивает к нему. Подхожу, он берет меня

за руку, и я вижу, как слегка приподнимается уголок его губ. Он вслух произносит то, что я только что слышала:

– Всё будет хорошо!

И подталкивает меня к машине. Внезапно слышу громкий крик:

– Брат! Подожди!

Он дома Нурмата быстро идёт Рустам. Ай-яй-яй! Так опоздать на свадьбу собственной жены! Всего лишь несколько дней назад я очень хотела его увидеть, хотела поговорить, а теперь и сказать нечего. Смотрю на него и ничего не чувствую, кроме презрения. Пока он не подошёл близко, быстро забираюсь на заднее сиденье автомобиля. Настоящий муж закрывает за мной дверь и идёт к бывшему. Они обмениваются рукопожатиями, Рустам о чём-то торопливо и горячо говорит, поглядывая в сторону джипа. Не волнуйся, я ничего не слышу, и слышать не хочу! Потом передаёт какие-то бумаги. Наверное, мои документы. Дан, или как его там зовут, даже не знаю точно, возвращается к машине, обменивается рукопожатиями с остальными братьями, обнимает мать, садится за руль. Отъезжаем. У меня сердце сжимается. Сколько я пережила здесь! Уверена: больше никогда не увижу ни это место, ни этих людей. Замечаю за приоткрытыми калитками и поверх дувалов любопытные лица соседей. Смотри-те! Все обычаи и традиции соблюдены! Имя Шагиевых не опозорено! А что будет со мной, никому нет дела.

Я не часто ездила на машине по таджикским дорогам, три или четыре раза. И всегда поездки были далеки от комфорта. Может, автомобили не предполагали комфортных условий, может, сказывалось отсутствие хороших дорог в стране, а может просто попадались неумелые водители. Собственно, их было три: сумасшедший таксист, вёзший нас с Рустамом в день приезда сюда, Нурмат, который отвозил меня в роддом, и Рустам, устроивший мне однажды автомобильную экскурсию в Ботанический сад. Я и сейчас ожидаю нечто подобное, жду, когда меня начнёт бросать из стороны в сторону, а машина будет подпрыгивать на камнях и ухабах. Но ничего похожего нет. Кажется, этот автомобиль предназначен для движения по скалистой неровной дороге. А водитель уверенно и аккуратно объезжает все рытвины и ухабы. Сначала пытаюсь смотреть на дорогу, боковые стекла сильно затемнены, поэтому смотреть могу только через лобовое стекло. Унылый пустынно-скалистый пейзаж утомляет. Переключаю внимание на водителя. Одна рука на руле, другая касается рычага коробки передач. Равнодушно смотрит перед собой, твёрдо управляя машиной одной рукой. Каждая черта буквально дышит силой и уверенностью. Рядом с ним почему-то чувствуется покой и защищённость. А не должно! Начинаю сравнивать тонкие, почти музыкальные руки бывшего мужа с сильными, крепкими, грубыми руками того, кто сидит за рулём. Размышляю, насколько не похож этот брат на остальных. Понимаю: у них разные отцы, но то, что одна

мать – тоже трудно поверить.

Мягкая езда, серая однообразная природа за окном, тихое бормотание какой-то музыки, льющееся из магнитолы, глупые размышления нагоняют на меня сон. Крепилась, старалась не спать, но не заметила, как отключилась.

Мне показалось, что сплю очень долго. Как только сознание просыпается, просыпаются страхи и тревоги. Как пружина, подскакиваю на сиденье. Озираюсь по сторонам.

– Выспалась? – слышу голос с водительского кресла.

Он так же уверенно ведёт автомобиль, поглядывая на меня в зеркало заднего вида. Обращаю внимание, что солнце над головой, значит, я спала часа четыре. И пейзаж за окном немного изменился. Едем по горной дороге, справа почти отвесные скалы, слева обрыв.

– Где мы находимся? – спрашиваю, чтобы снять напряжение и выяснить свою дальнейшую судьбу.

– Впереди ущелье Калайхумб, но вряд ли тебе что-то скажет это название. ещё несколько часов – и Душанбе, – отвечает он.

– Ты меня везёшь в Душанбе?

– Вообще-то туда еду я.

Замолкаю, обливаюсь холодным потом. Анализирую услышанное. Я в Душанбе не еду, впереди ущелье. На переднем сиденье стоит дорожная сумка, сверху, не прикрытый ничем, лежит автомат. Он достал его, пока спала. Обращаю внимание на его изменившуюся манеру вождения. Он смот-

рит не столько вперёд, сколько внимательно поглядывает по сторонам, вертя головой направо и налево, а машину ведёт рывками, то ускоряясь, то замедляя ход. Хочет найти приличное место, где меня пристрелить? Такие размышления доводят меня до грани срыва. Уж лучше умереть сразу, чем мучиться, выбирая вместе с ним живописное место для последнего пристанища. Нет, больше не могу! Хочу сама ускорить свой конец.

– Ты ведь меня непустишь? – зачем-то спрашиваю я, так, на всякий случай.

– Отпустить тебя? Зачем? Нет, конечно, – рассеяно отвечает он, не отвлекаясь от дороги.

– А когда ты меня убьёшь?

– Что!!! – он вдруг резко жмёт по тормозам, машина останавливается, я хватаюсь за сиденье, чтобы не упасть, он оборачивается ко мне, – Что ты сказала???

В этот миг перед машиной взрывается земля. Грохот такой, что закладывает уши. Волной автомобиль отбрасывает назад, вылетает лобовое стекло. Меня швыряет на пол между сиденьями.

– Твою ж мать!!!.. – орёт мой спутник, быстро вылезает из машины через пассажирскую дверь, открывает заднюю дверь и тащит меня за руку из автомобиля, – Скорее! У нас тридцать секунд! Выбирайся! Не поднимай голову! Пригнись!

Я не успеваю не то, что спросить – вздохнуть, – как ока-

зываюсь на дороге, грубо вытащенная из машины за руку. Он отталкивает меня в сторону, выхватывает из салона свою сумку, в другой руке автомат. Толкает меня вниз по склону, я качусь по камням, не замечая боли в сбитых до крови руках и ногах. Он движется за мной, направляя автомат куда-то в сторону скалы за машиной. Снова грохочет взрыв – это взлетел на воздух наш джип. Муж сбивает меня с ног, я падаю на землю, он наваливается на меня. Чувствую, как вокруг падают камни и комья земли, а тело опалает внезапным жаром от горящего автомобиля.

– Ты жива? – тихий шёпот сверху.

– Да, только дышать не могу, – хриплю я, так как он придавил меня своим телом.

– Главное, жива. А дышать сможешь. Теперь нужно быстро двигаться.

Он встаёт, помогает подняться мне, тащит за руку, мы бежим в сторону, к каким-то зарослям, внезапно останавливаемся, почти падая под деревом.

– Сиди здесь, а ещё лучше лежи, – он пригибает мою голову к земле, – Я накину на тебя свою куртку. Лежи тихо, не шевелись, пока я не приду. Если услышишь шаги и шорохи рядом, постарайся не дышать. Не бойся, я скоро.

Он ставит рядом свою сумку, накрывает меня с головой камуфляжной курткой, по-моему, закидывает какими-то ветками, и бесшумно исчезает.

Когда отошла от шока, стала раздумывать. Поняла глав-

ное: он не собирался меня убивать. Если бы хотел, уже сделал бы. Хотя бы не стал вытаскивать из машины, ведь откуда-то знал, что будет второй взрыв, более точный. Значит, меня хочет убить кто-то другой. Нурмат? Рустам? А заодно и прикончить неугодного братца?

Вспоминаю подслушанный разговор. У Нурмата есть и мотив, и возможности. Он занимается оружием и наркотиками, а мой новый муж грозился лишить его чего-то, и это очень испугало Нурмата. Но я ещё поняла: именно Дан финансирует их бизнес. Зачем же убирать того, кто даёт деньги? Ох, как всё сложно и запутано. Правильно говорила свекровь: женщинам не дано понимать, понимать должны мужчины. Но когда ты чудом избавилась от смерти и лежишь на острых камнях, присыпанная ветками, замирая и прислушиваясь к каждому шороху, очень хочется понять, что происходит.

И всё-таки, как ни прислушивалась, а мужа не услышала. Он рывком неожиданно снимает с меня куртку, я подсакиваю и ору, он зажимает мне рот.

– Тихо! Это я. Пошли!

– Ку... куда? – заикаясь от пережитого, пытаюсь выяснить я.

– Пока не знаю, но подальше отсюда.

Он вешает сумку на плечо. В одной руке автомат, держит его так, будто рука и оружие единое целое, другой хватает меня за руку, помогая подняться, и мы движемся по камням

в неизвестном направлении.

Он что, совсем не знает усталости? Мы идём почти два часа по одному ему ведомой тропе между скал. Иногда он достаёт какой-то прибор, смотрит и продолжает уверенно двигаться вперёд. Плетусь следом. Ещё в начале пути он предупредил: если что-то заметит, по его приказу я должна тотчас упасть на землю и закрыть голову руками. Но я и без приказа падаю и спотыкаюсь на каждом шагу. Солнце клонится к закату, но всё равно нестерпимо жарко. Пот противно каплет по лбу и по спине, пыль прилипает к телу, мои балетки постоянно соскальзывают, и мелкие камешки чувствуются через тонкую подошву, я то и дело вскрикиваю. Он просит двигаться бесшумно, что у меня плохо получается, в отличие от него: тело как пружина, каждое движение чётко и выверено, ни одного неверного шага, внимательный взгляд не пропускает ни одной детали, в руке оружие, готовое в любой момент прийти в действие.

– Всё, привал, – вдруг командует он, сбрасывая с плеча сумку.

– Я могу ещё идти, – вру, конечно, просто боюсь, что становлюсь обузой, ведь понимаю: нам нужно уйти подальше от места взрыва, чтобы те, кто это сделал, не догадались, что дело не завершено. А если поняли, не смогли нас найти.

– Я вижу, как ты можешь. Если сейчас не отдохнёшь, совсем выбьешься из сил. А потом что, нести тебя?

Мы садимся в тень от скалы. Блаженно вытягиваю ноющие ноги.

– Понимаю, как ты хочешь пить, но вся вода и еда остались в машине. Но в нескольких километрах отсюда есть река, там сможешь попить и освежиться. Выдержишь ещё пять километров?

– А у меня есть выбор? Мы ведь в такой ситуации из-за меня. Они ведь меня хотели убить.

Он громко смеётся, обнажая ровные белые зубы:

– Да кому ты на фиг нужна, чтобы тащить из-за тебя в горы гранатомёт и расходовать два заряда!

Недоуменно смотрю на него, несколько раз только открываю и закрываю рот, прежде чем выдавливаю фразы:

– Что? Значит, это не из-за меня? А кого же хотели убить? – с надеждой смотрю в его глаза, может, объяснит, что вообще происходит.

– А догадайся! Меня, по всей видимости. И если бы я не затормозил, услышав твой бред, нас бы уже не было.

– Тебя?! Но за что?

– Поверь, многим людям есть за что. А вот тебя за что?

– Каким людям? – не слышу последний вопрос, в ответ он не отвечает на мой:

– Неважно. Ты скажи лучше, с чего взяла, что тебя собираются убивать? И, самое главное, почему решила, что это сделаю я? Что ты такого натворила?

– Ничего я не творила. Просто поняла, что не нужна в той

семье, от меня хотят избавиться. Я просила, чтобы мне отдали документы и отпустили, а свекровь, ничего не объясняя, отдала меня тебе.

– Да, это в духе Надиры: ничего не объяснять. Как ты вообще могла согласиться ехать в эту варварскую страну?

– Как? Познакомилась с Рустамом, влюбилась. Я когда выходила за него замуж, даже не знала, откуда он. Говорил, из Средней Азии, а я не уточняла. Да если бы и знала, для меня это не имело значения. Вообще, я думала, мы будем жить и работать в Белгороде. Мы ехали сюда повидаться с родителями, по крайней мере, я так думала. А вышло так, что остались навсегда. И я оказалась неподходящей женой и невесткой, – заканчиваю свой грустный рассказ, удивляясь, что откровенничаю с совершенно незнакомым человеком.

– Ну да, Рустам очаровательный мальчик, в такого трудно не влюбиться. Он всегда был гордостью семьи. Его хотят сделать образцом для подражания, уважаемым, учителем, интеллигентом, чтобы им прикрыть некоторые не очень чистые дела остальных братьев.

– А тут я испортила своим присутствием все планы. Я поняла это давно, но старалась изо всех сил соответствовать требованиям, потому что любила его.

– А сейчас?

– Сейчас нет, ... он поступил со мной так ... это невозможно простить и понять. Я надеялась на его защиту, а он отвернулся от меня, полностью поручив своей матери. Мне ка-

жется, именно она решает всё в их семье. Она решила, что я не подхожу Рустаму и захотела от меня избавиться.

– Ты права. Характер Рустама не предполагает решительных поступков. Он сделает так, как скажет Надира.

Тут до меня доходит абсурдность происходящего: я вспыхиваю, поспешно оправдываюсь:

– Прости! Я совсем забыла, что говорю о твоей семье и о твоей матери! Извини, если оскорбляю твои чувства.

– Да ладно! Я всё понимаю. И, к тому же это моя семья только на десять процентов. Я не поддерживаю с ними тесную связь. И не понимаю многих условностей, в которых они живут, просто отношусь с уважением... Так! – вдруг командует он, – Полчаса привала закончены. Идём! До темноты нам нужно пройти ещё километров пять, а потом устроим большой отдых.

– Нам и ночевать придётся в горах?

– А ты видишь где-нибудь поблизости гостиницу?

– Нет.

– Вот и я о том же.

– Можно ещё вопрос?

– Хорошо, только последний. В пути не разговаривать.

– Тогда два!

– Задавай.

– Как тебя зовут?

– Не понял. Тебе что, даже имя моё не сказали?

– Нет. Тебя называли как-то странно, Дан. Но я подумала,

что это не похоже на имя и теперь не знаю, как к тебе обращаться.

– Это и есть моё имя, только сокращённо. Данила. Данила Глебов к вашим услугам, Дарья.

– Спасибо.

– За что?

– Что называешь меня моим настоящим именем. Там меня все называли Дарига.

– Не за что, – говорит он и выжидающе на меня смотрит, я не понимаю.

– Что?

– Ты сказала, у тебя два вопроса.

– А! Почему нельзя говорить в пути?

– Во-первых, это сбивает дыхание и расходует силы, а их нужно беречь, во-вторых, за твоей болтовнёй я могу пропустить тех, кто на нас охотится. Ясно? Тогда идём.

Под вечер мы выходим к руслу реки. На берегу есть какая-то растительность, от того немного легче и приятней глазу, после бесконечных скал и камней, поросших выгоревшей травой. Данила объявляет, что здесь мы устроим ночлег, распаковывает свою сумку и, достав какие-то приборы, исчезает в зарослях. Мне предлагает подойти к реке, чтобы освежиться. Река широкая и быстрая, берег усеян камнями. Я зачерпываю ладонями ледниковую воду и с наслаждением пью, не могу остановиться. Утолив жажду, возникает следующее естественное желание: смыть с себя пот и пыль. На-

клоняюсь, чтобы умыть лицо и руки, и, поскользнувшись на мокром камне, с головой оказываюсь в воде. Она такая холодная, меня пронзает миллион мелких иголок. Возле берега неглубоко, но течение сильное, пока встаю на ноги, относит на несколько метров. Наконец, выбираюсь из воды. Вот это освежилась! Отжимаю волосы и платье. Бреду на поляну. Он с удивлением смотрит на меня:

– И что это значит?

– Упала. Случайно.

– Ты сегодня целый день падаешь! Переодевайся, иначе скоро будешь стучать зубами. Ночью прохладно.

– Мне не во что. Ты же знаешь, мои вещи остались в машине.

– Знаю, – он подаёт мне свою куртку, – Посидишь в этом, пока высохнет.

Я беру куртку, он отворачивается и снова бесшумно исчезает в лесу. Снимаю платье, закутываюсь в куртку, она мне почти до колен, развешиваю платье на ветках, усаживаюсь под деревом.

Данила возвращается с хвостом, минута, и вот меня уже согревает костёр. Он укладывает рядом со мной ветки:

– Я снова ненадолго исчезну, следи за огнём.

Киваю головой. Его куртка такая уютная – мягкая и приятно пахнет. Я ложусь на землю рядом с костром, пламя завораживает и успокаивает, натруженные мышцы ног почти не ноют, в голове туман, глаза слипаются. Не замечаю, как

засыпаю.

– Даша!

Он будит меня, коснувшись плеча. Быстро сажусь. Кажется, глаза закрылись только что, но сейчас темно, значит, проспала довольно долго. Костер! Забыла! Но костёр весело пылает, правда, немного в другом месте.

– Прости, не уследила, – говорю я, глядя на чёрные головешки рядом с собой.

– Ничего, ты просто устала. Я передвинул огонь. Не хотелось будить тебя, но пора ужинать.

– У нас есть что ужинать? Ты же говорил, что продукты остались в машине!

– Но это не повод голодать, – он протягивает мне палочку с нанизанными кусками жареного мяса и что-то типа сухого печенья. – Соль и крекеры были в сумке, а мясо можно раздобыть практически везде.

Я понимаю, насколько голодна. Набрасываюсь на предложенную еду. Мясо несколько странного вкуса, напоминает грудку курицы. Но откуда тут курица? Насытившись, пытаюсь выяснить:

– А что мы ели?

– Невкусно?

– Вкусно. Просто интересно. Оно летало, бегало или прыгало?

– Ты уверена, что хочешь это знать? Обратной реакции не будет?

– Не будет, всё хорошо. Мне здесь довелось познакомиться с довольно-таки экзотическими блюдами. Пережила.

– Хорошо, отвечу. Оно ползало.

Смотрю на него широко открытыми глазами, прикрыв рукой рот. Он внимательно глядит на меня. Обратной реакции нет. Выдыхаю. Нужно сменить тему разговора:

– Моё платье, наверное, высохло. Я переоденусь и верну куртку.

Поспешно встаю; спрятавшись за деревом, надеваю платье, возвращаюсь в круг света от костра, сажусь рядом, протягиваю куртку.

– Оставь, ночь холодная, укроешься. У тебя было что-то ценное в сумке?

– Там была твоя шкатулка.

– Моя шкатулка? Что это значит?

– Помнишь, утром Надира дала тебе шкатулку. Там было много золотых украшений.

– Ты жалеешь о побрякушках?

– Почему я должна жалеть? Их же тебе дали. Как дополнение ко мне, плата за меня, или приданое, ну, я не знаю. Знаю только, что они должны принадлежать тебе.

– Постой, что за бред ты несёшь всё время? Зачем мне твои золотые украшения? Какая плата? Что тебе там наговорили?

– Ну как же: ты женишься на мне. Тебе же должна быть от этого какая-то выгода.

– Ты думаешь, что я женился на тебе ради золотых украшений? – вижу недоумение на его лице.

– Сначала я думала, что ты женился на мне, чтобы, не вызывая подозрений, увезти из посёлка и по дороге где-нибудь того... но теперь я так не думаю, – поспешно добавляю.

Он смеётся.

– Главный вопрос, – сквозь смех проговаривает он, – Ты действительно думаешь, что я женился на тебе?

– А что, нет? – с сомнением проговариваю я.

Он смотрит на моё обескураженное лицо и хохочет до слёз.

– Никогда не думал, что будет так весело скрываться в горах от убийц! Давно так не смеялся. Даша, неужели ты не знала, что эта свадьба была чистым спектаклем для местных жителей?

– Нет. Я думала, всё серьёзно. Так что, мы не женаты?

– По старым народным обычаям Таджикистана, может, и женаты. Но официально, конечно, нет. Как ты могла такое подумать!

– А Рустам? Я ещё его жена?

– В Таджикистане – нет. А вот в России, где зарегистрирован ваш брак, пока да. Но у меня доверенность, где он передаёт право расторгнуть ваш брак. Как только попадём в Москву, ты будешь абсолютно свободной женщиной. Я удивлён, что ты этого всего не знала.

– Мне мало что объясняли.

– Не удивительно, что ты себе нафантазировала. Впрочем, я знаю, как там относятся к женщине. Но Надира, неужели она не понимала! Тебе после такого курс реабилитации придётся проходить.

– Что проходить? Зачем? Я не так уж много и часто принимала их «напитки». Если знала, что мне что-то подсыпали, отказывалась. Лечение мне не нужно, – убеждаю я.

Он удивлённо на меня смотрит, молчит. Его лицо меняется. Нет ни тени улыбки, мрачный суровый взгляд.

– Всё будет хорошо, не переживай. Ты вернёшься к нормальной жизни, обещаю, – произносит напряжённым голосом.

– А знаешь, – вдруг вспоминаю я, – что было самое ценное для меня в моей сумке?

– Что?

– Пинетки и фотография дочери, – с грустью произношу я.

– Да, я знаю, что ты потеряла ребёнка. Сочувствую...

Внезапно слёзы неудержимым потоком полились из глаз. Он придвигается ко мне, обнимает за плечи, я утыкаюсь в его твёрдую грудь, реву.

– Ты первый, кто выразил мне сочувствие. Меня в основном только обвиняли, что родила слабого ребёнка, – объясняю внезапную истерику.

Он молчит, позволяя выплакаться в его и так уже промокшую футболку. Когда иссякает поток слёз, я чувствую и

облегчение, и чудовищную усталость. Моя голова клонится, глаза слипаются. Он расстилает свою куртку недалеко от костра:

– Поспи, тебе нужно отдохнуть.

– А ты?

– Я буду здесь. Не бойся, сюда никто не подойдёт. По периметру расставлены сигнальные датчики. Если кто-то приблизится, я буду знать.

– Я не это имела в виду. Тебе ведь тоже нужно отдохнуть. Давай дежурить по очереди.

– Какая отважная! Не переживай, мне не так много времени нужно для сна. Да и сплю я чутко, так что охранять мой сон не нужно.

Я сворачиваюсь калачиком, замотавшись в его куртку, он, сидя, приваливается спиной к скале и закрывает глаза. Так проходит моя вторая «брачная» ночь.

Удивительно: октябрь, а я сплю на земле и не замёрзла. Только ноют мышцы во всём теле, и, кажется, чувствуется каждый камешек, на котором лежу.

Приоткрываю глаза: раннее утро, солнце только восходит, собираясь снова весь день палить эту и так выжженную землю. От реки тянет свежестью. Замечаю, что лежу на его куртке, а сверху укрыта полосатым таджикским халатом. В таких здесь ходят все мужчины. Откуда он тут взялся? Приподнимаюсь, оглядываюсь вокруг. Вижу Данилу, он приближается со стороны реки. Всматриваюсь в знакомую фигуру, и пони-

маю, что это не он. Одежда его, в ней он вчера был: чёрные джинсы, серая футболка с круглой горловиной, в неё я рыдала вечером, но это не Данила!

В панике вскакиваю, ору, оглядываюсь по сторонам в поисках того, что сможет меня защитить. Мужчина моментально оказывается рядом, хватает меня за руки, зажимает рот: – Это я! Тихо! Не ори! Успокойся! Это я, Данила!

Узнаю знакомый голос, даже знакомый запах. Недоверчиво всматриваюсь в лицо. Как за одну ночь можно так измениться? Ладно, я понимаю: тонкие усы можно приклеить, но как он сделал, что его щеки округлились, как будто внезапно поправился на несколько килограммов, и откуда в его русских глазах появился привычный азиатский разрез?

– Это всего лишь грим, камуфляж. К тому же не очень удачный, но в этих условиях и такой сойдёт, – он хлопает себя по округлым щекам, словно проверяет, хорошо ли держится.

– Но как??? И зачем? – удивляюсь я.

– Как это делается, тебе вряд ли интересно, а вот зачем... Сегодня мы выйдем к трассе, нужно позаботиться о транспорте. Ты в своём наряде вполне сойдёшь за таджичку, а я должен соответствовать почётному званию твоего мужа. Двое русских могут вызвать подозрение. К тому же, я не знаю, кто за нами охотится. Надеюсь таким образом совсем сбить их с толку. Ты как? Отдохнула? Можешь идти?

– Да, могу. Только подойду к реке, чтобы умыться.

– Пойдём, держать тебя буду, а то ещё вздумаешь испугаться.

– Не надо, я осторожно, мне ведь не только умыться нужно.

Оставшаяся часть пути проходит довольно гладко. Через час мы выходим на трассу, если эту разбитую дорогу можно так назвать. Со стороны мы действительно похожи на таджикскую пару. Данила надел подаренный на свадьбу халат. В тюбетейке и со своим гримом просто не отличим от местного жителя. Нас подбирает старый потрёпанный ЗИЛ, везущий в Душанбе партию фруктов. Мы влезаем в тесную кабину. Шофёр, пожилой таджик с редкими седыми волосами, очень рад компании. Данила говорит несколько фраз по-таджикски, и они переходят на русский. Мой «муж» изображает даже лёгкий акцент. Он объясняет, что его русская жена, то есть я, плохо понимает по-таджикски, поэтому они будут говорить по-русски. Я помалкиваю, как и положено женщине в этих краях. Данила выдумывает какую-то историю, называет селение, откуда мы идём, якобы повидать престарелую родственницу, которая собирается оставить ему в наследство квартиру в Душанбе. Надеюсь, шофёр верит в эту сказку, впрочем, у него нет выбора.

В городе Данила просит высадить нас на одной из улиц, показывая многоэтажный дом, в котором ему светит квартира в наследство. Водитель радушно прощается с нами, желает удачи, долго сопротивляется, когда Данила сует ему

деньги, но всё же берет, интересуясь, когда мы будем возвращаться обратно, чтобы подвезти. От предложения «мой муж» вежливо отказывается, объясняя, что не знает, как долго пробудем у капризной старушки. Данила так мастерски и правдоподобно рассказывает, что я не могу сдержать улыбки. Когда наконец-то мы отвязываемся от любезного шофёра, он делает замечание:

– Прекрати хихикать, таджикской девушке так вести себя не подобает!

– Как мне надоело быть таджичкой!

– Потерпи десять минут, – говорит он, и заводит меня в какую-то гостиницу.

В номере он наконец-то становится собой, убирая пугающий грим. Выйдя из ванной, достаёт из своей сумки... телефон! и звонит какому-то Александру, сообщая, что всё хорошо и завтра будет в Москве. Удивлённо смотрю на него.

– У тебя всё время был телефон? – спрашиваю его.

– Да, а в чём дело?

– Но почему ты не позвонил тогда?

– Когда? И кому я должен был звонить?

– Как кому? Полиции, спасателям. Я думала, у нас просто не было связи!

Он смеётся:

– Даша, ты не перестаёшь удивлять своей наивностью. Ты сколько лет живёшь в Таджикистане?

– Около года.

– И часто ты видела полицейских? А спасателей?

Пожимаю плечами. Действительно, какие спасатели, это же не Россия.

– Отдыхай, – указывает он мне на широкую двуспальную кровать.

По документам, которые он предъявил администратору отеля, мы оказались мужем и женой. Потом пояснил, что документы – подделка, но по ним мы беспрепятственно вылетим в Россию.

– Я в город. Не будешь возражать, если на свой вкус куплю тебе европейскую одежду? Какой у тебя размер?

Я называю и, как только за ним закрывается дверь гостиничного номера, блаженно растягиваюсь на мягкой постели, мечтая только об одном – посетить ванну.

Вечером не узнаю ни себя, ни его. Я так отвыкла от нормальной одежды! С наслаждением ощущаю на теле качественное белье. Он купил даже это! Восхищаюсь брючным костюмом из тонкого трикотажа цвета морской волны, который прекрасно сидит на мне, подчёркивая изгибы фигуры. Куртка с капюшоном пока не нужна, я отложила её в сторону. Но в Москве, он сказал, пригодится. Всё время забываю, что кроме этого мира, есть ещё и другой – Россия, где сейчас настоящая осень. Боюсь верить, что скоро окажусь там.

Я увлечена своим нарядом и своим преобразившимся внешним видом. Но когда обращаю внимание на него, готового к выходу, перехватывает дыхание. На нём стильный

тёмно-серый костюм, светлая рубашка расстёгнута у ворота, через руку переброшено длинное мужское пальто. Таким я его никогда не видела. Где тот дикарь из скалистой пустыни с автоматом наперевес, или разговорчивый таджик в национальном полосатом халате и тюбетейке. Даже у Шагиевых я его таким не видела. Он в камуфляжной одежде выглядел военным в отпуске. А теперь передо мной очень привлекательный элегантный мужчина.

– Что-то не так? – задаёт он вопрос то ли мне, то ли остолбеневшей статуе с открытым ртом. Тороплюсь скрыть изумление:

– Всё нормально. Никогда не видела тебя в костюме.

– Я тоже не видел тебя в нормальной одежде, но не смотрю же, как на привидение, – улыбаясь, шутит он, – Идём, самолёт через два часа, аэропорт недалеко, но лучше оказаться там пораньше.

В аэропорту нас ждёт сюрприз. Как только появляемся в зале, навстречу бежит Нурмат. Он кидается к Даниле, хватая его за плечи:

– Брат! Это не я! Клянусь Аллахом, это не я! Поверь, я найду этих гадов!

– Прекрасно, найди, – спокойно и как-то равнодушно, в сравнении с истеричной речью Нурмата, говорит Данила.

– Так ты мне веришь? Я, как только узнал о подрыве, тотчас поехал в Душанбе. Я верил, что ты спасёшься! Я так рад, что с тобой всё в порядке! Детьми клянусь! Я молился Ал-

лаху, чтобы с тобой всё было хорошо.

– Всё! Проехали! Со мной всё хорошо! – раздражённо произносит Данила, отрывая руки Нурмата, судорожно вцепившиеся в его пальто, – Не забывай о нашей договорённости. Всё пока в силе. И если найдёшь, кто это сделал, ты знаешь, как сообщить, – отрывисто бросает он и, взяв меня за руку, направляется к регистрационной стойке.

– Брат! Я так рад! Клянусь, это не я! Поверь мне! – слышится сзади голос Нурмата. Он растерянно стоит посреди зала, не решаясь идти следом.

Уже возле стойки Данила поворачивается и говорит ему:

– Езжай домой, успокой мать.

Напряжение на лице Нурмата сменяется облегчением, он с улыбкой машет рукой и исчезает в толпе. А мы проходим на посадку в самолёт.

Уже в кресле авиалайнера задаю свой вопрос:

– Ты действительно веришь Нурмату?

– Я не верю никому, – коротко отвечает он.

– Я знаю, чем занимаются братья Шагиевы, – признаюсь я, – Скажи, ты занимаешься тем же? У вас похожий бизнес?

Он поворачивает голову ко мне, внимательно смотрит в глаза, словно пытается что-то в них прочесть, молчит.

– Если не хочешь, не отвечай, – говорю, понимая, что пытаюсь влезть туда, куда вход посторонним закрыт.

– Я борюсь с теми, кто занимается подобным бизнесом, – вдруг отвечает он, устало откидываясь на спинку кресла и

закрывая глаза.

– Но не с Нурматом? – настойчиво выпытываю я.

– Я работаю в России, защищаю россиян, и пока бизнес Шагиевых не выходит за границы Таджикистана, их никто не тронет. К тому же он оказывает кое-какие осведомительские услуги, за что неплохо получает, – произносит он, не открывая глаз.

– А где ты работаешь? – не унимаюсь я.

Он устало отрывает спину от кресла, поворачивается ко мне, с ироничной улыбкой произносит.

– Тебе дай палец, по локоть откусишь! Всё хочется знать?

– Как-никак, я твоя жена! – пытаюсь шутить, хотя его кривая улыбка мне не нравится.

– Я военный, работаю на спецслужбы. И храни тебя Бог от подобного мужа, – добавляет он, снова откидываясь в кресле.

«Как сказать!» – думаю я. Если бы я его знала раньше, то совсем не возражала бы против того, чтобы он стал моим мужем. Понимаю: до него я вообще не встречала настоящих мужчин.

* * *

Город Москва. Россия. Октябрь 2013 год

Столица встречает холодным пронизывающим ветром и

мелким морозящим дождём. Кутаясь в свою новую куртку, понимаю, что никогда холод не был мне так приятен, а капли дождя не доставляли такого удовольствия. Как же я соскучилась! Здесь даже воздух другой!

– Наслаждаешься? – спрашивает Данила, заметив мою глупую довольную улыбку на лице, подставленном холодным каплям дождя.

– Я очень рада, что вернулась!

– А как я рад! Идём, нас ждёт такси.

Он берет меня за руку, это у него входит в привычку – покровительственно тащить за собой, как ребёнка, – и уверенно движется через площадь. Куда-то делась его дорожная сумка, сейчас в руках небольшой кейс. Интересно, где оружие, как провёз его в самолёте? Или работникам спецслужб разрешается летать с автоматами в сумке? А может, они выбрасывают их за ненужностью в ближайшей урне? Глупые мысли и приподнятое настроение внезапно исчезают в салоне такси. Я вдруг понимаю, что, оказавшись на родине, не знаю, куда идти дальше и что делать. Данила замечает перемену в настроении:

– Что нос повесила? Радуйся! Ты дома!

– Понимаешь, я не знаю, где теперь мой дом, – тихо произношу я, отворачиваясь к окну, сквозь которое мелькает большой жизнерадостный город, которому дела нет до моих проблем.

– Понимаю. Надира говорила, что тебе особо некуда идти,

ты сирота. Пока поживёшь у меня, а там видно будет. Тебе ещё предстоит втянуться в нормальную жизнь, разобраться, что к чему. Я помогу в этом.

– Но почему? Зачем ты это делаешь? Я же тебе никто! – тихо паникуя, произношу я, так как осознаю: действительно, никто.

– Во-первых, за тебя просила моя мать, и я обещал ей позаботиться. А как ты знаешь, у Надиры очень послушные сыновья. Во-вторых, если бы не ты, меня бы не было в живых. Хоть это из-за твоей глупости, но, тем не менее, факт остаётся фактом: благодаря тебе я жив. А в-третьих, по таджикским законам я твой муж, – заканчивает он на шутливой ноте, – Так что, мой дом – твой дом. Правда, он не очень пригоден для приёма гостей.

– Почему?

– Увидишь – поймёшь.

Мы подъезжаем к многоэтажной высотке. С любопытством оглядываюсь по сторонам. Никогда не была в Москве, а Белгород очень отличается от столицы. Мы поднимаемся – на двадцать седьмой! – этаж. Многое сегодня впервые, так высоко я тоже не забиралась.

Он открывает тяжёлую дверь, попадаем в просторную прихожую, где я снимаю куртку и обувь.

– Ну что же, проходи, осваивайся в моей холостяцкой берлоге.

Он пропускает меня вперёд, и я застываю на поро-

ге. «Вау!» Такого помещения я тоже никогда не видела. Вся квартира представляет собой одну огромную комнату, условно поделённую на сектора. Только по покрытию пола понимаешь – там, где начинается плитка, начинается кухня. Роскошный паркет с мягкими пушистыми ковриками – гостиная, а ковролин на невысоком подиуме, где стоит кровать невероятных размеров – спальня. Всю противоположную стену занимают окна, из которых открывается ошеломляющий вид на город. Делаю неуверенный шаг в... кухню? Точно: посредине кухня, налево гостиная, направо спальня.

Данила проверяет холодильник, гремит крышками на плите.

– Теперь я понимаю, почему твоя квартира не приспособлена для гостей, – говорю я, проходя по «комнатам». Трогаю пальчиком мягкую мебель, обтянутую белой кожей, глажу блестящую поверхность столешницы на кухне в бежево-жёлтых тонах, бросаю взгляд на огромную деревянную кровать и встроенный шкаф для одежды. Спальня тоже в светлом кремовом цвете. Вообще в квартире много воздуха, простора, света, несмотря на пасмурный день.

– У тебя действительно никогда не бывает гостей? – спрашиваю я, с замиранием сердца подходя к окну. Открывается такая высота, что кружится голова. Я резко оборачиваюсь и упираюсь в его грудь. Он стоит вплотную ко мне и держит два бокала.

– Ой, прости, – почему-то отшатываюсь, близость смуща-

ет.

– Давай выпьем за благополучный приезд. Нужно снять напряжение.

Беру бокал, выпиваю почти залпом. Напряжение мне нужно снять, срочно. Но оно не снимается! Ведь напрягает меня он.

– Гости, конечно, у меня бывают, – рассказывает он, усадив меня за стол, а сам накрывает. Его на плите ждал горячий суп, в духовке – курица, в холодильнике – свежий салат. Выражаю удивление взглядом. Он поясняет: – Я предупредил из Душанбе свою домработницу, когда приезжаю. Она всё приготовила. Так вот, мои друзья иногда остаются здесь ночевать, больше ради экзотики – обалдевают от вида из окна. А подруг отсутствие перегородок несколько не смущает.

– А родственники, семья?

– Родственники далеко, ты знаешь, семьи нет. Я одинокий волк, и это как раз подходящее логово для такого, как я. Но не переживай: уголок для уединения тебе найдётся.

После обеда он показывает квартиру. Ванна и санузел здесь, к счастью, за закрытыми дверями. Они находятся за стеной, прилегающей к гостиной. За шкафом в спальне находится небольшая ширма из матовых пластиковых панелей. Данила устанавливает её напротив кровати, отгораживая часть спальни.

– Это твоя комната, – указывает мне на кровать и шкаф, – Впрочем, вся квартира твоя, пользуйся, но спать ты будешь

здесь.

– Как это! Это же твоя кровать! Я в гостях, и выселю тебя с законного места? Я не согласна!

– Это обсуждению не подлежит! Я прекрасно выплусь на диване, к тому же меня часто не бывает дома. Хочу, чтобы ты в моё отсутствие здесь чувствовала себя свободно и привычно.

– Как это не бываешь дома? А где?

– Работа, – коротко поясняет он и подходит к шкафу, – Так, сегодня до вечера отдыхаем. Думаю, мы заслужили отдых! А завтра идём по магазинам, покупать тебе, как минимум, зубную щётку. Сегодня обойдётся какой-нибудь моей футболкой? Договорились?

С улыбкой пожимаю плечами. Как скажете, мой генерал!

Неделю тратим на отдых, развлечения и моё знакомство с «окружающим миром», как он говорит. Во-первых, грандиозный шопинг, где мы приобретаем для меня всё необходимое, точнее, приобретаю я, а он только оплачивает и иногда даёт советы в выборе той или иной вещи. Сначала смущает, что он тратит на меня невероятные суммы, но все попытки к сопротивлению твёрдо пресекаются. К тому же убеждаю себя, что верну деньги, как только найду работу. Он показал ближайший от дома рынок, продуктовый магазин, супермаркет, чтобы в его отсутствие я не терялась.

В один из вечеров мы ходили в кинотеатр. Два вечера просто катались по Москве на его машине, беглая ознакоми-

тельная экскурсия, как он сказал. Меня восхищает его машина. Она похожа на ту, что взорвалась в Таджикистане, я ещё посочувствовала, что он потерял свой автомобиль. Это, как всегда, его развеселило: объяснил, что на своём джипе в Таджикистан не ездит, а тот был взят на прокат. Настоящий автомобиль Данилы гораздо больше, мощнее, что ли. Очень сильная гладкая и блестящая, ясно, что дорогая. Кожаная обивка внутри, мягкая и качественная. Я не разбираюсь в марках автомобилей. Но на решётке впереди английское слово «Jeep», как будто так не понятно, что это джип.

Свободные от прогулок и поездок вечера проводим в уютной домашней обстановке, перед телевизором. Я узнаю его с той стороны, которую не знала. Я видела в нём бесстрашного воина, теперь вижу заботливого хозяина, остроумного собеседника, не лишённого чувства юмора, порядочного человека. Я всё время чувствую, что в нём есть нечто необычное, хотя ничего странного. Всё в нём сильно, просто и прямо. И я понимаю, что всё его стороны мне очень нравятся.

Через семь дней он сообщает, что должен уехать. Его не будет дней пять.

– Не скучай. Поброди по магазинам, я оставляю тебе деньги. Хотелось бы, чтобы ты здесь с кем-нибудь познакомилась, начала общаться. Поинтересуйся вакантными местами. Я не гоню тебя на работу, но ты должна заново учиться жить в этом мире, а сидя в квартире, этого не получится, – наставляет меня перед уходом.

– Хорошо, – с грустью обещаю я, понимая: не хочу, чтобы он уходил, боюсь остаться одна, и мне не хочется учиться жить в этом жестоком мире. Мне хорошо, когда он рядом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.